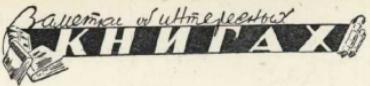

Смена

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ "ПРАВДА"

ДОЧЕРИ ВЕЛИКОГО НАРОДА*

Образы безвестных героинь гражданской войны, пришедших из самых толщи народа, возвращают эта книга в немногородские воспоминания и запоминающихся рассказах.

Перед читателем вспоминаются те, кому посчастливилось дожить до наших прекрасных дней. Перед читателем в рассказах друзей и очевидцев стоят чудесные лица тех, кого уже нет, кто завещал нам увидеться с ними вновь, мудрость, доблести до конца, верности родине и неугасающей ненависти к арагу.

* Сборник «Женщины в гражданской войне». Эпизоды борьбы на Северном Кавказе в 1917—1919—1920 годах. Изд. «История гражданской войны». М. 1937. 4. 80. р.

МИР, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН ВЗОРВАТЬСЯ*

Годы империалистической войны. Добберда, амбициозное пато со склонкой растительности, одно из самых кровавых участков австро-итальянского фронта. Дацштадтпрехлест, офицер венгерской армии Тибор Матран присекает на Доббердо.

Матран зверски на фронте. Медицинский полк, полный воинственного задора, возвышается горы скептическим профессором Арионьда, уже висящим на перелете* войны.

Но проходят недели, и на ряде же жестоких примеров Матран убеждается в правоте своего друга. Постепенно перед ним разворачивается ее же не-принадлежность — несложная и странная механика войны.

После геронской атаки батальон Матран окладывает кре- постью «Монте-Карло». Батальон расположился на вершине горы Монте-Дей-Сей-Буз. Из

Бот Татьяна Соломаха — сельская учительница, без единой просьбы о пощаде принимающая страшную смерть от руки белогвардейцев. Вот подобная картина гражданской Фасулии — последним усилием воли поддерживая бодрость от раненых товарищей. Вот Ксения Ге, повешенная контрреволюционерами в горах Кисловодска. Стоя перед виселицей, Ксения попытается сказать несколько пронзительных слов: «Нет... я проговорилась!» — кричит она. Год спустя коммунистическая партия Ксению в язву умираю за ту великую идею, которую когда-нибудь пониме и вы!»

И так далее, они мало разговорили, эти женщины. Они «стылись» бесстрашно или в битву, они «стылись» отдавали за будущее свою жизнь и жизни своих детей. Чувство матери! Извечный, непод败ableй, казалось бы, инстинкт. Но и это, что чувствует отчаянно могущим создать будущее, не всегда помогает. Прост и бесконечно трогательен рассказ Анджинской — матери, потерявшей дочь и плачущей много лет спустя на могиле то ли своего, то ли чужого ребенка.

Сборник «Женщины в гражданской войне» — не просто собрание отдельных портретов героических женщин: это синтетический портрет женщины-героя, женщины-человека, женщины-дочери нашего великого народа, созидающего в боях счастливую жизнь для всего человечества.

ночи в ночь, в течение многих ночей, случаются венгерские склады, как под ними скрబется гигантская мышь. Солдаты знают, что это итальянцы сверлят гору, буравят ходы, закладывают

ют мину. Не сегодня-завтра взлетят на воздух гора Монте-Дей-Сей-Буз — гора, на которой находятся восемьсот человек.

Матран напрягает всю свою энергию. С величайшим трудом добивается он сведения с подопечным и разясняет ему близость чудовищной катастрофы. Неожиданно для Тибора полковник остро реагирует на его слова. Вирочем, Матран очень скоро узнает истинную причину внимательности коммюнике: «Монте-Карло» собирается построить самолеты. Он, Матран, герой, спасший драгоценную жизнь эвакуированной.

А батальон? Но какое дело начальству до жизни восемьсот человек?! Батальон должен ждать приказа.

И катастрофа разражается.

В прохладе взрыва гибнут солдаты, гибнет друг Матран и

вместе с ними гибнет на всегда воинственный изгибы Тибора Матрана, его доверие к миру, покорившему эту отважную войну. Матран выходит из зала, сжимая в руках сердце, но с твердой решимостью борьбы с этим миром, с решимостью вступить на путь, который указывают ему Эла, сестра убитого Арионьда, и ее друг — большевик Алексей.

Так закончена первая глава Залки, писатель, известного ее залпами звонких книгами. Генически побывший на одном из испанских фронтов республиканский генерал Лукач — не кто иной, как писатель Матя Залка.

Роман Матя Залка читается с неослабевающим интересом. С напряженным вниманием слеши читатель за судьбами героев, за ходом трагедии на горе, под которую подложена мина.

«СТОИТ ЛИ ИМ ЖИТЬ? *

всех явных жуков, женщин и детей вместе взятых».

Неумолимой логикой ученого Поль де Крюона доказывается, что капиталистическая система неспособна обеспечить каждому человеку условие, необходимое для здоровья — правильное питание.

Происходит это потому, что приходится платить за «здоровье» капитализма: производство регулируется не потребностями населения, а его покупательной способностью. «До каких же пор «здравой» экономики будет безнаказанно убивать наших детей?» — спрашивает де Крюон.

Тысячи самоотверженных людей пытаются бороться с губительными последствиями «здравой» экономики. Капиталистический мир, использованный любым американцем в сентябре, сумел выжить приложением, благодаря которым ему удалось сохранить жизнь пяти девочек-блондинок, родившимся за два месяца до срока. Много сделано для здоровья детей детройтскими врачами. Но никакие доктора не могут излечить самой страшной болезни, порожденной капитализмом — бедности.

Подлинный единомышленник гибели миллионов людей является капитализм. Но из этого вывода с логической необходимости вытекает другой вопрос: как уничтожить капитализм?

Когда Поль де Крюон писал свою книгу, решение этой задачи было для него еще не ясно. «Только теперь я начинаю чувствовать ответ», — пишет он в своем обращении к советским читателям книги. Я хочу верить, что вы, труженики, поющие Ленина и Сталина, нашли его.

Я подниму правый кулак в знак приветствия всем вам. Верю, что победа останется за вами.

* Поль де Крюон «Стон ли им жить?». «Молодая гвардия», 1937. 2 р. 50 к.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Журнал
рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВЛКСМ

смена

Март 1938 года
Номер третий
Год издания XV

ЧЕСТЬ И СЛАВА ГЕРОЯМ-ПАПАНИНЦАМ!

Героические зимовщики станции «Северный полюс» И. Д. Папанин, Э. Т. Кренкель, П. П. Ширшов, Е. К. Федоров.

НЕ БУДЕТ ВРАГАМ ЖИТЬ НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ!

В те дни, когда в Москве, в Октябрьском зале Дома союзов, шел процесс антисоветского «право-троцкистского блока», мы раскрыли ХХIII том сочинений Владимира Ильича Ленина. Мы заглянули в «летопись событий», отыскали одну дату — 30 августа 1918 года.

Как обычно, товарищ Ленин, председатель Совета народных комиссаров молодой Советской республики, выступил в этот день с яркими агитационными речами и докладами, успевая за несколько часов побывать на двух—трех митингах и собраниях. 30 августа 1918 года голос любимого воожия слушали рабочие в Басманном районе и на бывшем заводе Михельсона.

Лаконичные строки кратких газетных отчетов сохранили для нас страстные, полные жгучей ненависти к врагу слова, слова понятные, доходимые до разума и сердца каждого, кому дорога советская власть, слова настоящей, большевистской правды.

Ильич говорил в этот день на митинге в Басманном районе: «С первых же шагов правительства Милкова-Гучкова народным массам становилось ясно, куда ведет их буржуазия. Но подое дело русских капиталистов и помещиков, по существу продолжавших политику свергнутого народа царя, — прикрывали меньшевики — эсеры, выступавшие как социалисты, а на деле продававшие социализм в угоду англо-французской бирже.

Отброшенные октябрьским восстанием в сторону, отмененные от революции, соглашатели принялись за свою обычную работу на Украине, Кавказе, в Сибири, на Волге. Они, наконец, добились того, что Советы в этих местах свергнуты, и большевистские деятели отданы на расстrelение чехо-словацким наймитам и российским белогвардейцам...»

Затянутых дыханий, слушали люди речь великого гения пролетарской революции, стараясь запомнить на всю жизнь фигуру родного Ильича, его голос, каждый его жест.

Вечером Ленин выступил на митинге рабочих бывшего завода Михельсона. Когда на направлялись к выходу, член партии правых эсеров Каплан произвела в Ильича три выстрела из револьвера, и Ленин упал раненый. Пули, которыми стрелял Каплан, были отравлены ядом курара.

С того трагического дня прошло почти полных 20 лет. И лишь сейчас, когда перед Военной коллегией Верховного суда Союза ССР предстали участники антисоветского «право-троцкистского блока», подлежащий из подых, презреннейшие диверсанты, шпионы, террористы, отправители, убийцы, гнусные предатели родины, — лишь сейчас весь мир узнал страшную, чудовищную правду, узнал трижды проклятые имена вдохновителей и организаторов этого злодейского покушения на вождя пролетарской революции, имена тех, кто направил пулю эсеровской террористки в сердце нашего Ленина.

Тогда, в 1918 году, Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой совместно с «левыми» эсерами поставили своей целью сорвать брестский мир, свергнуть советское правительство, арестовать и убить В. И. Ленина, И. В. Сталина и Я. М. Свердлова и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и «левых» эсеров.

Бухаринцы именовали себя в ту пору, для маскировки, «левыми коммунистами». Вместе с троцкистами, вместе с «левыми» и правыми эсерами, не брезгуя никакими средствами, они стремились свергнуть власть рабочих и крестьян, уничтожить завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, восстановить власть помещиков и капиталистов.

Эта гнусная цель — реставрация капитализма в нашей стране — всегда стояла перед троцкистами, бухаринцами, раковскими бандитами. Ради этой цели в одном звенном клубке сплелись злодийски враги народа всех мастей. На скамье подсудимых в Октябрьском зале Дома союзов сидели материевые

убийцы и диверсанты, шпионы иностранных фашистских разведок, буржуазные националисты, провокаторы царской охранки, врачи-отравители...

Перед судом предстали Бухарин, Рыков, Ягода, Крестинский, Раковский, Розенталь, Иванов, Чернов, Гринько, Зеленский, Бессонов, Икрамов, Ходжаев, Шаранович, Зубарев, Буланов, Левин, Платнен, Казаков, Максимов-Диковский, Крючков.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР установила, «что они, являясь активными участниками заговорщиковой группы под названием «право-троцкистский блок», действовавшей по прямым заданиям разведок иностранных государств, проводили изменическо-шипинскую, диверсионно-вредительскую, террористическую деятельность, провоцируя военное нападение на СССР этих государств с целью поражения и расчленения Советского Союза и отторжения от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке — в пользу враждебных к СССР иностранных государств, имея своей конечной целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя и восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии...»

Чудовищны преступления, содеянные этой бандой оголтелых фашистов, давно уже потерявших человеческий облик. По указанию своих хозяев — иностранных разведок, — по команде оберфюрдера врага народа Троцкого они убивали советских людей, вредили, совершали диверсионные акты, шпионили, подрывали военную мощь нашей страны. Они сбрасывались под откос поезда, заражали скот, спутывали планы социалистической промышленности и сельского хозяйства, расхищали государственные средства... Злодеи убили одного из лучших сынов советского народа, памятного трибуна революции, незабвенного Сергея Мироновича Кирова. Они умертили выдающегося большевику товарища Куйбышева, верного чекиста товарища Менжинского, великого русского писателя Алексея Максимовича Горького и его сына. Остерьеные враги готовили террористические акты против нашего отца и учителя товарища Сталина, против товарища Молотова, Кагановича, Ворошилова, Ежова.

Не вышло! Никогда не выйдет! Страна наша, великая, богата, прекрасная страна, зорко охраняется. Ее берегут славные нарукомиуди на голове с железным наруком творцем Ежовым. Ее берегут Рабоче-Крестьянская Красная Армия и Красный Флот во главе с первым маршалом Советского Союза товарищем Ворошиловым. Ее бережет весь наш могучий, непобедимый народ во главе с вождем и учителем великим Сталиным.

Грозным гневом обят весь советский народ. Трудящиеся наше родины единодушно требовали, чтобы фашистское отребье было стерто с лица сияющей советской земли.

Советский суд вынес суровый и справедливый приговор, в котором выражена единая воля трудящихся Советского Союза. Фашистские псы расстреляны!

Разгром антисоветского «право-троцкистского блока» является грозным предупреждением всем врагам великого советского народа. Никогда не будет врагам жить на советской земле! Никогда и никому народы счастливой Советской страны не отдадут завоеваний Великой социалистической революции!

Процесс антисоветского «право-троцкистского блока» еще еще раз показал исключительную прозорливость товарища Сталина, неустанных напоминающего нам о том, что пока существует капиталистические государства, на нашу территорию будут засыпать шпионы, диверсанты, убийцы, вредители. Ни на минуту нельзя от забывать, ни на минуту нельзя ослаблять нашу революционную бдительность.

Письмо т. ИВАНОВА и ответ т. СТАЛИНА.

Тов. СТАЛИНУ.

От штатного пропагандиста РК ВЛКСМ
Мантуровского района, Курской области—
ИВАНОВА Ивана Филипповича.

Дорогой тов. Сталин, убедительно прошу разъяснить мне следующий вопрос: у нас на местах, да и в окружении комсомола имеется двоякое понятие об окончательной победе социализма в нашей стране, т. е. путают первую группу противоречий со второй. В Ваших трудах — о судьбах социализма в Советском Союзе ядет речь о двух группах противоречий — о внутренних и внешних.

О первой группе противоречий понятно, что мы их разрешили — социализм внутри страны победил.

Я хочу получить ответ о второй группе противоречий, т. е. между страной социализма и капитализма. Вы указываете, что окончательная победа социализма означает разрешение внешних противоречий, имеет полную гарантину от интервенции, а следовательно от реставрации капитализма. А эта группа противоречий разрешена только усилиями рабочих всех стран.

Да, и тов. Ленин учил нас — «окончательно победить можно только в мировом масштабе, только совместными усилиями рабочих всех стран».

Будучи на семинаре штатных пропагандистов в обкоме ВЛКСМ, я, основываясь на Ваших трудах, сказала, что окончательная победа социализма может быть в мировом масштабе, но обкомовские работники — Уроженко (первый секретарь обкома) и Казелков (инструктор по пропаганде) мое выступление квалифицируют, как троцкистскую вылазку.

Я стал из зачитывать цитаты из Ваших трудов по этому вопросу, но Уроженко предложил мне закрыть трехтомник, высказав, что «тогда Сталин говорил в 1926 г., а мы уже имеем 1938 г., тогда мы не имели окончательную победу, а теперь имеем и нам теперь думать об интервенции и реставрации никак не следует»; дальше, он говорит — «мы теперь имеем окончательную победу социализма и имеем полную гарантину от интервенции и реставрации капитализма». Итак меня посчитали пособником троцкизма, ссылаясь на пропагандистской работы и поставили вопрос о пребывании в комсомоле.

Прошу, тов. Сталин, разъяснить — имеем ли мы окончательную победу социализма или пока еще нет? Может быть я еще не нашел дополнительного современного материала по этому вопросу, в связи с изменениями современности.

Я также считаю заявление Уроженко антибolshevikским, что труды тов. Сталина по этому вопросу неминимо устарели. И правильно ли поступили работники обкома, посчитав меня троцкистом. Это для меня очень обидно и оскорбительно.

Прошу, тов. Сталини, не откажите в просьбе и дайте ответ по адресу — Мантуровский район, Курской обл. 1-я Засемский совет ИВАНОВУ Ивану Филипповичу.

И. ИВАНОВ.

18. 1. 38 г.

Ответ т-щу ИВАНОВУ Ивану Филипповичу.

Вы, конечно, правы, т. Иванов, а Вы идеиные противники, т. е. товарищи Уроженко и Казелков — не правы.

И вот почему.

Несомненно, что вопрос о победе социализма в одной стране, в данном случае, в нашей стране — имеет две различные стороны.

Первая сторона вопроса о победе социализма в нашей стране обнимает проблему взаимоотношений классов внутри нашей страны. Это — область в внутренних отношений. Может ли рабочий класс нашей страны преодолеть противоречия с нашим крестьянством и наладить с ним союз, сотрудничество? Может ли рабочий класс нашей страны в созне с нашим крестьянством разбить буржуазию нашей страны, отобрать у нее землю, заводы, шахты и т. п. и построить своими силами новое бесклассовое общество, вполне социалистическое общество?

Таковы проблемы, связанные с первой стороной вопроса о победе социализма в нашей стране.

Ленин отвечает на эти проблемы положительно. Ленин учит, что мы имеем все необходимое для построения иного социалистического общества. Стало быть, мы можем и должны собственными силами одолеть свою буржуазию и построить социалистическое общество. Троцкий, Зиновьев, Каменев и прочие господа, ставшие потом шпионами и агентами фашизма, отрицали возможность построения социализма в нашей стране без предварительной победы социалистической революции в других странах, в капиталистических странах. Эти господа по сути дела хотели повернуть нашу страну назад, на путь буржуазного развития, прикрывая свою отступническую фальшивыми ссылками на «требоду революции» в других странах. Об этом именно ишел спор у нашей партии с этими господами. Дальнейший ход развития нашей страны показал, что партия была права, а Троцкий и компании были не правы. Ибо это же время мы успели уже ликвидировать свою буржуазию, наладить братское сотрудничество со своим крестьянством и построить в основном социалистическое общество, несмотря на отсутствие победы социалистической революции в других странах.

Так обстоит дело с первой стороной вопроса о победе социализма в нашей стране.

Я думаю, тов. Иванов, что Ваш спор с т. Уроженко и Казелковым касается не этой стороны вопроса.

Вторая сторона вопроса о победе социализма в нашей стране обнимает проблему взаимоотношений нашей страны с другими странами, с капиталистическими странами, проблему взаимоотношений рабочего класса нашей страны с буржуазией других стран. Это — область в внешних, и международных отношениях. Может ли преодолевший социализм одной страны, имеющий в окружении множества сильных капиталистических стран, считать себя вполне гарантированным от опасности военного вторжения (интервенции), и, стало быть, от попыток восстановления капитализма в нашей стране? Могут ли наш рабочий класс и наше крестьянство собственными силами, без серьезной помощи рабочего класса капиталистических стран, одолеть буржуазию других стран так же, как они одолели свою буржуазию? Иначе говоря: можно ли считать победу социализма в нашей стране окончательной, т. е. свободной от опасности военного нападения и попыток восстановления капитализма, при условии что победа социализма имеется только в одной стране, а капиталистическое окружение продолжает существовать?

Таковы проблемы, связанные со второй стороной вопроса о победе социализма в нашей стране.

Ленинизм отвечает на эти проблемы отрицательно. Ленинизм учит, что «окончательная победа социализма в смысле полной гарантин от реставрации буржуазных отношений возможна только в международном масштабе» (см. извест. резолюция XIV конференции ВКП). Это значит, что серьезная помощь международного пролетариата является той силой, без которой не может быть решена задача окончательной победы социализма в одной стране. Это, конечно, не значит, что мы сами должны сидеть, сложа руки, в ожидании помощи нации. Наоборот, помочь со стороны международного пролетариата должна быть соединена с нашей работой по усилению обороны нашей страны, по усилению Красной армии

и Красного флота, по мобилизации всей страны на борьбу с военным нападением и попытками реставрации буржуазных отношений.

Вот что говорит на этот счет Ленин:

«Мы живем не только в государстве, но и в системе государства, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных страданий между Советской Республикой и буржуазными государствами неизбежен. Это значит, что господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией» («XXIV», стр. 122).

И дальше:

«Мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого насилия мы всегда на волокосе» (т. XXVII, стр. 117).

Сказано остро и крепко, но честно и правдиво, без прикрас, как умел говорить Ленин.

На основе этих предисловок в «Вопросах ленинизма» Сталина было сказано:

«Окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции, а значит, и реставрации, ибо сколько ни будь серьезная попытка реставрации может иметь место лишь при серьезной поддержке извне, лишь при поддержке международного капитала. Поэтому поддержка нашей революции со стороны рабочих всех стран, а тем более победа этих рабочих хотя бы в нескольких странах является необходимым условием полной гарантии первой побывшей страны от попыток интервенции и реставрации, необходимым условием окончательной победы социализма» («Вопросы ленинизма», 1937 г., стр. 134).

В самом деле было бы смешно и глупо закрывать глаза на факт капиталистического окружения и думать, что наши внешние враги, например, фашисты не попытаются при случае произвести на СССР военное нападение. Так могут думать только слепые бахвалы или скрытые враги, желающие усыпить народ. Не менее смешно было бы отрицать, что в случае малейшего успеха военной интервенции интервенты попытаются разрушить в занятых ими районах советский строй и восстановить буржуазный строй. Разве Деникин или Колчак не восстанавливали в занятых ими районах буржуазный строй? Чем фашисты лучше Деникина или Колчака? Отрицать опасность военной интервенции и попыток реставрации при существовании капиталистического окружения могут только головотяпки или скрытые враги, желающие прикрыть бахвальство свою враждебность и старающиеся демобилизовать народ. Но можно ли считать победу социализма в одной стране окончательной, если эта страна имеет вокруг себя капиталистическое окружение и если она не гарантирована полностью от опасности интервенции и реставраций? Ясно, что нельзя.

Так обстоит дело с вопросом о победе социализма в одной стране.

Выходит, что вопрос этот содержит две различные проблемы: а) проблему внутренних отношений нашей страны, т. е. проблему преодоления своей буржуазии и построения полного социализма, и б) проблему внешних отношений нашей страны, т. е. проблему полного обеспечения нашей страны от опасностей военной интервенции и реставрации. Первая проблема уже решлена нами, так как наша буржуазия уже аннигилирована и социализм уже построен в основном. Это называется у нас победой социализма, или точнее, победой социалистического строительства в одной стра-

не. Мы могли бы сказать, что эта победа является окончательной, если бы наша страна находилась на острове и если бы вокруг нее не было множества других, капиталистических стран. Но так как мы живем не на острове, а в системе государства, значительная часть которых враждебно относится к стране социализма, создавая опасность интервенции и реставрации, то мы говорим открыто и честно, что победа социализма в нашей стране не является еще окончательной. Но из этого следует, что вторая проблема пока не разрешена и ее придется еще разрешить. Более того: вторую проблему невозможно разрешить в том же порядке, в каком разрешили первую проблему, т. е. путем лишь собственных усилий нашей страны. Вторую проблему можно разрешить лишь в порядке соединения серьезных усилий международного пролетариата с еще более серьезными усилиями всего нашего советского народа. Нужно усилить и укрепить интернациональные пролетарские связи рабочего класса СССР с рабочим классом буржуазных стран; нужно организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны на случай военного нападения на нашу страну, равно как организовать всяческую помощь рабочего класса нашей страны рабочему классу буржуазных стран; нужно всемерно усилить и укрепить нашу Красную армию, Красный флот, Красную авиацию, Основанием. Нужно весь народ держать в состоянии мобилизованной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох...

И Вашего письма видно, что т. Уроженко держится других, не совсем ленинских взглядов. Он, оказывается, утверждает, что «мы теперь имеем окончательную победу социализма и имеем полную гарантию от интервенции и реставрации капитализма». Не может быть сомнения, что т. Уроженко в корне не прав. Такое утверждение т. Уроженко может быть обяснено лишь непониманием окружающей действительности и незнанием элементарных положений ленинизма, или же постулатами хвастовства завоевавшего младого чиновника. Если мы в самом деле «имеем полную гарантию от интервенции и реставрации капитализма», то нужны ли нам после этого сильная Красная армия, Красный флот, Красная авиация, сильный Основанием, усиление и укрепление интернациональных пролетарских связей? Не лучше ли быть миллиардами денег, уходящими на усиление Красной армии, обратить на другие нужды, а Красную армию скрять до минимума, или даже распустить ее? Такие люди, как т. Уроженко, если они субъективно даже преданы нашему делу, объективно опасны для нашего дела, ибо они своим хвастовством вольно или невольно (это асе равно!) усыпят наш народ, демобилизуют рабочих и крестьян и помогут врагам застичнуть нас врасплох в случае международных сложений.

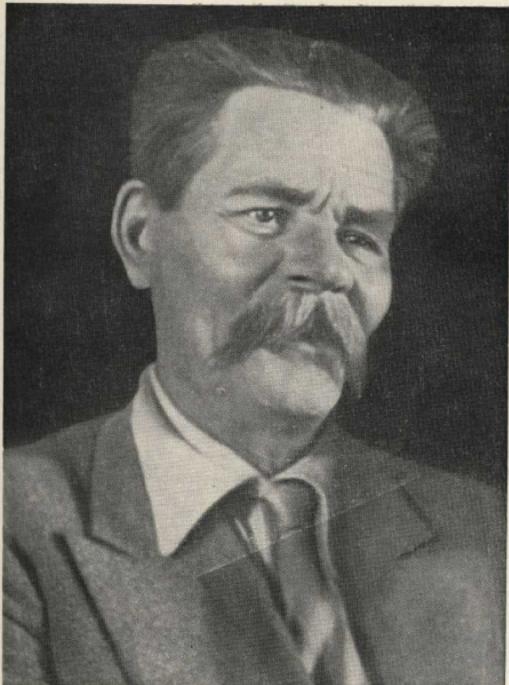
Что касается того, тов. Иванов, что Вас, оказывается, «сняли со пропагандистской работы и поставили вопрос о пребывании в комсомоле», то опадаться Вам этого не следует. Если люди из общекома ВЛКСМ действительно захотят уподобиться чехословакому унтер-офицеру Пришибееву, можно не сомневаться, что они пр играют на этом. В нашей стране не любят Пришибеевых.

Теперь Вы можете судить, устарело ли известное место из книги «Вопросы ленинизма» по вопросу о победе социализма в одной стране. Я бы сам очень хотел, чтобы оно устарело, чтобы не было больше на свете таких неприятных вещей, как капиталистическое окружение, опасность военного нападения, опасность реставрации капитализма и т. п. Но, к сожалению, эти неприятные вещи все еще продолжают существовать.

12 февраля 1938 г.

И. СТАЛИН.

Алексей Максимович Горький. (Снимок 1935 года).

28 марта исполняется 70 лет со дня рождения великого писателя Алексея Максимовича Горького, бессстрашного бойца за счастье нашей родины, за светлое будущее человечества. Вся жизнь, вся творчество Горького от первой до последней строки были яростной битвой с врагами трудового народа. И враг ненавидел Горького лютой ненавистью.

Личный друг Ленина, ближайший друг и поклонник Сталина, Горький все свои силы отдавал служению революции. «До последней минуты Горький жил одними чувствами и мыслями с теми, кто с такими энтузиазмом строит теперь новое общественное общество под руководством партии Ленина—Сталина. Его глаза до конца дней сверкали огнями борьбы и непримиримости к врагам трудящихся, к фашизму и ко всем другим угнетателям, к душителям культуры и подавителям войны». Каждому успеху трудащихся в нашей стране, успехам стахановцев, новым формам движения среди женщин, росту урожая и производительности труда, разоблачению вылазок и подвохов со стороны врага и учреждения обороны страны, и особенно культурному росту масс, росту литературы и искусства он рабочий, как пламенный юноша и как мудрый отец (М о л о т о в). Этого человека убили. Его убили Троцкий, Бухарин, Рыков, Ягоды и прочие мерзавцы из право-фашистского блока.

В течение долгого времени с помощью лжи и клеветы враги пытались отобрать Горького от Сталина. Но Горький остался верен Стalinу и его делу. И тогда враги убили Горького.

Они убили его потому, что влияние Горького было огромно и кемлибо его слово гремело на весь мир о великих делах Ленина—Сталина. Они убили его потому, что он со всей глубиной и остротой понимал подлинную суть врагов партии — врагов народа, что он знал настоящую цену того, что стал его убийцей, по чему призывы были апологетами сознания, это гнуснейшее в истории преступление, цену прокладчика и авантюриста, врага народа Троцкого.

Но, убив Горького, фашистские бандиты не в силах были убить дело, которому он служил. Не в их власти было убить его книги. И каждое слово этих отленных книг звучит приговором подлым убийцам, приговором проклятому миру, который они тщетно старались воскресить, пытаясь залить кровью и грязью своих мерзких преступлений лицо нашей любимой родины.

Борец за народное счастье

Горький — один из величайших оптимистов, каким только знает история человечества. Так же, каким другого такого писателя во всей мировой литературе, творчество которого было пронизано великой всепобедающей жизнерадостностью, как у Максима Горького. И это не случайно. Горьковский оптимизм — это оптимизм глубокого понимания действительности, характером, который действует и этого писателем, и его героями. Это оптимизм proletарской революционации, которая уверена в своем классе и которого никакие затруднения, никакие неудачи, смутные не могут, потому что он ясно видит их временный, переходящий характер.

В пьесе Горького «Враги», которая проочно вошла в репертуар советского театра, в finale, героиня пытается обнять двух женщин, жандармами, арестованными рабочими: «Эти люди победят!» Этим пророческим словами великого писателя горячо applaudируют поздеи — советские люди, которые навсегда разделились со всеми, кто был против Советской власти и Бирюзовыми, Бобрецовыми, Хвостовыми. Но не зря, конечно, помнят, в каких условиях Горький бросил в лицо прежним «хозяевам» России свое мужественное пророчество. Это было в 1906 году, когда уже обозначалась поражение первой русской революции и начались кровавые расправы царизма с рабочим классом.

В самые тяжелые времена, в самую глухую пору реакции, когда приходилось отступать и легко можно было податься настроениям уничижения, отчаяния, голос Горького звучал бодростью и уверенностью в конечной победе дела революции:

«Как искры в туче дыма черной,
Среди этой жизни мы одни...
Но мы в ней — будущего зерна,
Мы в ней — грядущего огня».

Горьковский оптимизм глубокого понимания действительности, проникновенного видения перспектив ее развития, является одновременно оптимизмом борца, для которого борьба — родная стихия. Во всех своих произведениях Горький неустоично выражает тех, кто, подобно Буревестнику, жаждет бури, и, подобно Соколу, растется в небо.

В образах Буревестника и Сокола Горький волютыла самое дорогое, что есть для него в человеке: бессстрашие, готовность грудью встретить любую опасность, отвращение к бесчестной, довольствующейся малым жизнью, к бескорыстному, обывательскому прозаизму.

«Пусть сныше грянет буя!» — призывает Буревестник — Горький.

«О, если бы в небо хоть раз подняться!...» — мечтает умирающий Сокол. — «Врага прижал бы я к ранам груди, и... захлебнулся бы мной он...» Буревестник — Буревестник!

Это счастье битвы не ушло не в символических, а в реалистических образах — Горький воспроизвел, изобразил машиниста Нилы (в пьесе «Мещанин»), Павла Власова и его замечательную мат (в романе «Мать»). Как известно, чрезвычайно популярную горьковскую «Матерь» дал В. И. Ленин, приняв ее нужной и очень современной книгой.

Людей смелых, сильных, веселых, не спящих бодропотно под ударами судьбы, умеющих работать и умеющих бороться, Горький всегда выставлял как пример, как

образец для подражания. Только таких людей он и считал настоящими людьми... Горький проходил юношеское детство и трудную юность. Вряд ли кто из писателей прошлого так изучал «сивинские мерости» собственнического общества, как он, сидя в своем кабинете, погруженный в собственной спине, испытывая все «вредства» буржуазно-помешчичьего режима. Он видел столько отталкивающего, мучительного, грязного и пошлого в жизни, что любой другой из его места давно бы во всем разочаровался.

Но Горький остался верным себе. Несмотря на горьковский оптимизм — это оптимизм веры в человека, в мгновение его разума, в благородство его сердца.

Спокойных веков, со временем греческих и римских рабовладельцев, землевладельцев, землевладельцев, сложивших на человеке свою тяжесть, своим трудом все благословия земли. Человек природе своей лени, утверждал он, и потому нужна наука, чтобы заставить его работать. Человек по природе своей дик, утверждал он, и потому нужна школа, чтобы приучить его к порядку. Без руководства высших классов, говорили они, человеку труда не прослушивать. Эту принципиальную «философию» человеческого общества в наши дни подхватили фантики и их единомышленники — кровавые псы из троцкистско-зиновьевской спортивной школы.

С подьяльниками покончено очернить и привлечь человека труда, подорвать в нем доверие к своим силам и способностям неустанные боролись южные революционного пролетариата.

Маркс еще в первый период своей деятельности писал о человеческом честолюбии.

Ленин указывал, что галимые «отцы народа» «запихнули еще родину и богатейший родину».

В нашей стране руководством к действию служат слова товарища Сталина:

«Гадо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов имеющихся в мире, самым ценным и самим бесценностным капиталом является люди, кадры».

Эпиграфом ко всему творчеству Горького можно было бы поставить его знаменитое

тото изречение: «Человек — это звучит гордо!»

По Горькому, «человек есть украшение мира, и он имеет все основания удивляться себе самому». Человек «известия, но, тысячи раз забывающий, что он — величайший сам по себе, птица...». Любострастен, но в греховном тяготении своем к женщины выдумкам, для соблазна ее и для украшения себя, позицию бесмертной красоты. Живя, выдумывал, что не было прекраснее мифы, велесовых богов Симона и Прокопия, пророка Ильи, апостола Петра, Сатану, множества волшебных сказок и необыкновенных людей: Дона-Кихота, Робинзона Крузо, Гамлета, Фауста, десятки подобных...»

Пятая глубочайше уважение к человеку активному: изобретателю, творцу, борцу, Горький — неискриминатор. Бравый, отважный, отважно отказавшийся от суеты и скептицизмом, который находил, что все в человеке плохое, и упорно забрасывала грязью лучше его чувства и помыслы.

Наиболее выпукло тут такого пессимиста и скептика великий пролетарский писатель да в «Козине Кимме Салимова». Самым из всех сил старался показать, что человек — это зверь, в первую очередь оказывается, что он является таким путем лишь соединение свое нечто тождество.

Революционеров, большевиков Кими Салим боялся и неизводил, предчувствуя, что именно они разрушат тот уклад жизни, с которым онросся и который ему дорож.

Циник и человечеконищик, Салим — духовный брат зиновьевых и каменских, пытавшихся и бухаринов. Он один из тех, о ком Горький писал: «Если агар не сдается, то уничтожают».

Вспомин Горьким в его глубочайшей преданности деда Ленина — Стадина, в его непримиримости к врагам народа. Горький был непримирим к потерянным человеческим обликам выродкам, которые во имя грядущих своих сынов вышли из них мертвые, своего благополучия и счастья грустными средствами — пытками восстанавливать в нашей стране бесчеловечную власть капитализма. «Подлинный, искренний революционер Советских Социалистических Республик», — писал Сокольский, — не может не носить в себе сознатель-

ной, активной, героической ненависти к под-врагу своему... Внутри этой ненависти, ее душа, ее огнь — сознание ленинским их творческой силы, сознание величия их задачи. Это сознание уже превратилось в редчайшую силу, способную отбросить творческое стремление олодоподростка действительность. Именно этим чувством заражен был рабочий, который хочет создавать вещи как можно лучше, достичь цели своего класса как можно скорее».

Тогда же, когда гению социалистов враг бессилен что-либо противопоставить, кроме своей полной злобы — отсюда неизбежный крах всех его нудинских удач и хитростей. Но напореть, напакость он может, и надо поэтому со всей большевистской решительностью раздавить вспыхивающую гадину. Об этом неустанный писал Горький и не даром его лого ненавидели врачи...

* * *

Весь мир с глубочайшим возмущением и болью узнал о погибели премьер-министра Альберта Гордона Гордона. Наш великий Горький не умер естественной смертью, как мы думали раньше: он был, как и товарищ В. В. Куйбышев и В. Р. Менжинский, альбодасы умершились фантастическими мэрзации из «правго-троцкистского блока».

Осторожнейшие враги отныне у народу его генерального певца: «Если Горький будет жив, то он выйдет из тени и пропагандирует свою азартную, вонючую, кровавую, беспощадную, безжалостную, безумную и убийчую! Они боялись Горького, первого друга Ленина и Сталина, неизлечимого борца против мирового фашизма.

С смертельным страхом перед могучим горьковским словом пропаганда буржуазия погнала реваншистов из политического преступления. За это спасли головы, как и за головы товарищей Кирова, Куйбышева, Менжинского, дорого заплатят кровавые фантистические псы.

Горький лежал жертвой великого борьбы за победу коммунизма. Его подвластическая жизнь, его гениальное творчество, вечно будут, как горящее сердце Данко, освещать путь к правде и счастью всему человечеству.

ГОРЬКИЙ И ЕГО УЧЕНИКИ

Александр РОСКИН

Б письме к одному начинаяющему писателю Горький сообщал:

«Некогда писать много, работая по 12 часов в день — кровохаркай при этом...»

Все же находила время писать младшим собратьям по литературе длинные письма, править мужские рукописи, обращая внимание на все подробности и отмечая малейшие ошибки.

Когда-то Горький, бывший поваренок, прачечный и ткаческий, превратившийся в прачечного и театрального статиста, среди любчих книжек и переведных приключенческих романов нашел в одном из юмористических журналов рассказ, поразивший его талантом и удививший странной подписью: «Антона Чеховца». Позже, когда Горький встретился на николаевских улицах человека, внешностью похожего на волского лошадина. Неведомый автор юмористического рассказа и человек, похожий на лошадина, были Антон Чехов и Владимир Короленко.

У Чехова и Короленко учился Горький. Учился, как учился — часами болтала, беседуя и переписывая с этими двумя замечательными русскими писателями. Он рано понял, что значит для начинающего литератора дружба с писателями, владеющими тайнами литературного мастерства.

И когда Горький сам оказался этими тайнями, он с необыкновенной щедростью де-

лился своим опытом со множеством начинающих писателей.

Они видели в Горьком друга, который был одоловом правды и в поиске и в поисках. Одному молодому литератору он говорил:

— Вы человек хороший, умный, — значит, вы не отгорожтесь, если я скажу вам правду, которая всегда более или менее горьковата — такова уж ее природа...

Подобно Короленко и Чехову, он прежде всего хотел быть в литературе искренним, простым и правдивым.

«Модники и фокусники слова не увлекаются. Правда и простота — родные сестры, а красота — третья сестра».

Но Горький знал, что простота дается в искусстве недавно. Всегда, впрочем, потому что простота — лицами и фокусниками, ибо не хватает у них сил добиваться простоты, не хватает смелости быть простым, совсем простым. И этот недостаток они прикрывают мелочью оригинальностью, сегодня занимательной, завтра мертвотой.

Поэтому, говорил Горький, надо работать, работать самоотверженно, ибо в себе, в своем мастерстве, мастерства раскрываются только на трудном опыте. Над словом писателя полезно помочь — замечал Горький.

И с умбкой добавлял:

— Но учение это должно быть веселым. Горький требовал, чтобы литератор, так же, как токарь по дереву или металлу, знал

свой материя. Материю, с которым работает литератор, — живой язык.

Человек, обладающий истинным литературым дарованием, чувствует язык. Но этого мало. Надо еще изучать его, расширять запас слов, радоваться каждое словесной находке, как радуется ботаник, нашедший несметное ранее название растения. Работа над языком должна превращаться в любовь к нему, живет сложной жизнью, изменяется, имеет свою судьбу и судьба эта — история языка.

Бюю свою жизнь, Горький с необыкновенной пристальнostью изучал фольклор — устное поэтическое творчество народа.

Еще позже, в 1920-х годах, в казанские годы своей жизни, Горький стал записывать народные сказки и песни.

Считались во бессарабским местам, Горький, не задумываясь, согласился отдать свою единственную рубашку за то, чтобы ему перевели на русский язык песни дувушки-молдаванки, певшей под звуки кобзя:

— Оз, Мара, рэзбяя Мара-а...

А когда при одном из арестов Горького нижегородские жандармы отобрали у него несколько тетрадей, они не нашли в них ничего, кроме записей народных песен.

Герой Горького рассказывал скажи и легенды, погибли в языке и жестах великих романтов, украшали письмо своей реалиями и прибаутками — все это словесное богатство было почерпнуто Горьким

Пять бурных горных рек Дарваза и Памира, сливаясь, образуют Пяндж. По-таджикски «Пяндж» значит «князь». Мутный многоводный Пяндж стремительным потоком вырывается из горных ущелий в лесосавы долины Южного Таджикистана. Подмытые руслом, кругой афганский берег. Ласково облизывает или же отталкивает наезд, синий горизонте. И спасется в кольца и извилистые струи вода в Сулаке Дарвазе, прорываясь через присты Узбекистана и Туркмении под именем Аму-Дарья.

Дика и первобытна природа Пянджского прибрежья. На сотни километров раскинулись девственные заросли многолетнего камыша. Отутянутые цепким кустарником и полузумчими лианами, заросли образуют настоящие джунгли. Густы и непроходимые джунгли прорезаны узкими тропами, звериными ходами и лазами. Даже днем, когда на южном небе осенительно сияет солнце, в чаще джунглей царят полумраки.

Абди лежал на тигровой тропе, спавши от меня, синевы в руках свою крупицами бахирью вытащив, налево — оружие впереди. Сбежавшись в комок, я привык плечом к низкорослому деревцу джунгли. Вокруг узкой звериной тропы, на которой был скрыт громкий тигровый канкан, виселись буйный и личий камши.

Мигрировавшие комары носились в зарослях, тучами роились над моей головой. Чтобы спастись от них, я повязал шею платком и наливала из воды из устрицы, запасшей Абди. Его обветренная, коричневая кожа засыхала под солнцем, не позволяя ему даже кратковременных укусов.

Абди разодел и вырос здесь, в этих джунглях, куда переселился еще лет 40—50 назад его отец Кизбай.

Старик Кизбайставил склики на фазанов, ловил аис, шакалов, личикошек и волков, стрелял оленей. Он не знал, что такое деньги, и вынимал из пушкеры сумку из муки, синевы, пороха и оледеня.

От покойного отца Абди наследовал тяжелый тигровый канкан, бессстрашне, меткость глаза и поразительный талант следопыта. До наступления вечера он успел поймать тигров в пянджских джунглях...

...Осторожность движущихся тигров, их хитрость, и взглянула на часы. До рассвета было еще далеко. Смертельно худощавый, он взглянул на часы.

Мы лежали неподвижно, вслушиваясь в ходы сирены. Всю пискнувшую мышь. Далеко-далеко закликали лягушки в цветах ини. Всем пискнула крольчиха глупым сонным фазан.

Хрустнула ветка. Я загоргнул. У моего лотка колпосились жук, толкала впереди себя камушек оленевого помета. Такой маленький жук, а там хрюстнула веткой!

Минута, и Абди, инструктировавшего меня перед тем, как засесть в засаду...

— Все звери, птицы, насекомые спят ночью. Все, кроме тигров. Олень сплют неслышно, но шуршат ногами по камышу. Хвост фазанчишки производят щурок. Змея шелестит травой. А тигр скользит на миных лапах по самым густым зарослям. Звериная тропа узка, его огромное тело не уместится на ней. И все-таки, когда он крадется, не слышна ни храта ветки, ни шагов, скользя по камышам, не трогая травы. Он может вырасти за твоей спиной, и ты не почувствуешь его, если он не пошевелит твоего затыка усами!

А ночь бродила по джунглям, полная звуков, душной ночи.

Неподалеку исторически всхлипнула ребенок. Уж который раз я слышу этот шакалин плач, заканчивающийся вздохом. На соседней тропе захрюкали поросенки. Дикая свинья направилась к реке, вела ее сама потому что. Навстречу ей в темноте загорелись два желтых кружево. Загорелись и погасли. Гиена, услышавши стрелого ворчания дикой свиньи, испуганно изнурила в темноту.

Я с ужасом окликнул: «тигров!» — и тут же засиделся. Абди. Знаменитый тигров умел ждать. Казалось, он может превозмочь не шелочнувшуюся, целию вечность. Его добрые карие глаза были устремлены в ночь. Они не мигали. Зрачки, сузившись, пронизывали таинственный мрак звериной тропы, просверкленный в стene камышей.

Так я засиделся в бояхине первую ночь. За нея почтнулась вторая, третья. Днем мы выспались в зарослях, в полуоткрытом двух километрах от места засады, а перед наступлением темноты возвращались на тропу, к кампанию, тщетно выжидая тигра.

После четырех ночей ожидания я потерял всякую надежду. К тому же дела привозили меня в Сталинабад: я не мог оставаться больше в Пархаре. С болью в сердце я собиралась об этом Абди на расставание.

Был час утренней прохлады. Узкими тропами мы выбрались на большую автомобильную дорогу. Рыгнув шею, хранило кирчали фазаны-петухи. Курочки с целыми вышибками фазанят высматривали из джунглей на дорогу, блазнили на неё, оставаясь на пыль крестики, и вновь исчезали в камышах. При нашем приближении фазаны имели на минутку смотреть в камни.

Первым, кого мы встретили, достичнув маленькою пограничного города, был Абдулзалим, заведующий чайханой, дуг Абди. Сидя на корточках, он толстой железной проволокой ворошил угольки в жедуле огромного самовара. Заметив Абди, он торопливо зашагал нам навстречу.

— Ой бой! Ой бой! Ты ничего еще не знаешь? — воскликнула старуха, вытирая от пота лицо. — Абди! Тигр унес вчера ночью верблюда из каравана Бобо-Дарвона. Правда, вырвал его из под седока и унес в камши, как будто это тележка...

Покрасневший от бессонницы глаза зверобоя блеснули.

— Где? — спросил он хрипло.

— Между Каулем и паромом.

— Ты говоришь, что уезжал после обеда? — повернулась ко мне Абди. — Я приду к тому времени, повидаю тебя, попрошашью...

— Одолжи хоть немного. Куда ты идешь? — пропиесни.

— Гудж — махнул рукой зверобой в сторону парома. — Хочу посмотреть на мост.

На пограничной заставе уже звали все подробности ночного происшествия. Впрочем, здесь никого особенного не удивила эта история...

Приехав на Пянджское прибрежье, я остановился у старшего лейтенанта пограничных войск товарища С. Это он меня познакомил с Абди Кизбасовым. До того как засесть в засаду, мы соединились с лейтенантом С. совершившим верхом рекогносировку по джунглям. Да неко не отъезжали. В семи—восьми километрах от пограничного города лейтенант С. Абди показали мне в нескольких местах, среди камышовых зарослей, следы огромных тигровых лап. Мы поднялись на седло по склону холма, чтобы внимательно приглядываться, и изволили это друго. Эти следы подтвердились, что хищники, не стесняясь, приближаются к населенным местам — к хозяйственным кишлакам и пограничным заставам.

С. припоминал случай нападения тигров на людей и скот, произшедшее за последний год на охраняемой им пограничной территории. Таких случаев было более чем достаточно.

В кишлаке Бобо-Сифо тигры покинуты на зиму четырьмя лошадьми и зарезали девять коров.

В другой раз хищник напал на мирно пасущуюся коня, взмыльши его на плачи и узлы в джунглях на глазах людей.

На Алавадже тигры унесли трех быков и лошадь, приладивши колхозам.

В районе Бешкала тигрица подстерегла в конце зарослей пограничный наряд, прыгнула на лошадь, но промахнулась. Острые когти зверя пробороздили крупу коня, но лошадь оправилась от ран и продолжала нести пограничную службу. В местности Бури и Нижний Пяндж от подобных нападений тигров пострадали четыре коня пограничников. В Бури антишах зарезали еще несколько голов

окружающей обстановке. К хлопковому полю примыкал небольшой, густо поросший камышом участок. Это был маленький клочок джунглей, опоясанный с трех сторон разрывом. Образа был круты, тигр никем не охранялся. Он спрятался с его отвесной стены вина. Командир отделения сообщил, что тигр был недавно испытан и именно на этом клочке густых камышовых зарослей. И если ему удастся единственный ход к отступлению, со стороны поля, он будет как в ловушке.

Расчет товарища М. оказался абсолютно точным. Тигр бесшумно пополз к зарослям и там залег. Отрезав зверю выход, пограничники дали знать на заставу. Начальник заставы ночью по телефону передал все подробности происшествия лейтенанту С. Лейтенант предложил не трогать зверя до тех пор, пока он не прибудет сам. Чтобы тигр не ушел в темноте обратно через поле, он посоветовал засадить несколько костров. Так и сделали...

Машинка, стремительно мчась по пыльной дороге, везла нас на долгожданную тигровую облаву. Вот, наконец, и застава. При нашем приближении к ней из ворот выехали несколько всадников во главе с начальником заставы, рослым широкоплечим парнем. Пограничники были одеты в специфические костюмы. На голове они имели оседающие волосы.

— Можно проехать на машине к замку месту! — выкрикнул начальник заставы, сажаясь коня. — Здравствуйте!

— Здравствуйте, лейтенант. Зверь не ушел? — спокойно спросил лейтенант С., высывавший из машины.

— Зверь на месте. Залег! — откликнулся начальник заставы, поднимая коня в рывок.

Наша машинка продвигалась за конными бойцами по полевой дороге. Проехав два — три километра, мы, наконец, прибыли на место.

Зеленое поле было густо усеано белыми хлопьями деревенских хлопковых коробочек. Поле это, сужаясь, упиралось в участок девственных зарослей высокого, многостворчатого камыша. Весом кустарника дрогало на границе поля и кусок джунглей. Вдоль коридора, там и здесь, сидели колхозники, вооруженные кеттами, лопатами, топорами, кольями.

Шофер краем поля проехал к самым зарослям и остановил машину на узкой тропе, стrelой пронизывающей камыш. Я вылез из автомобиля и стоял с Абди. Улыбаясь, он протягивал мне руку.

— Абди! Как ты сюда попал? — удивленно воскликнул лейтенант С.

Зверобой был в своем обычном охотничьем одевании. Его ноги были обуты в мокасины, покрытые салогой с загнутыми носами. Тонкий халат из яланской шерсти песочного цвета был перепоясан патронтиганом. На нем висел кривой таджикский нож в бубровой кожухе. За плечом торчало дуло крупнокалиберной винтовки.

Оказалось, что Абди, услышав о тигре от Абдусаламина, прошел на ночь 40 километров. Знайший тигровый жажды привнес утром в скватке с кровожадным хищником. Он заболел бы от огорчения, узнав, что облава на тигра проведена без него.

Руководство облавы взял на себя лейтенант С. Верхом мы двинулись по краю обрыва, очищая землю. Выход на хлопковое поле в нашем строю занял тяжелую работу. Видимо, из-за того, что Абди, командир взвода тов. М. и бойцы К. и Ж., первыми настолкнувшись на тигра. Они имели задание стрелять в зверя лишь только в том случае, если тот попытается прорваться в открытое место, т. е. в хлопок.

Перегоравшись шепотом, вытинались цепочкой тигров. Каммы покрывали нас

с головой. Он был втрое, вчетверо выше всадников. Начальник заставы, встав на седло своего коня, выпрямился во весь рост. В бинокль он тщательно осмотрел каждый уголок участка. Зверя нигде не было видно.

Лейтенант С. выскочил из седла, вступил в заросли. Мой гладкой инязорской коня чутко вскакивал на задние ноги и чувствовал дрожь, пробегавшую по его телу. Возбужденное всадничество передавалось лошадям. Они чуяли зверя, затинавшегося в камыши. Мы двигались на близкой расстоянии друг от друга, зоркоглядяясь в джунгли. Каждый шаг заставлял меня судорожно скжимать карабин, лежащий на коленях.

Напряженную тишину неожиданно прорезал сухой треск выстrelа. Пули с визом промчались по камышу слева от нас. И вслед за этим вспыхнула вспышка из зарослей.

Ху-а-а-а! Уаааа! — заревел зверь из другой стороны зарослей, где засели Абди, товарищ М. и еще два бойца.

— Выводите коней! Тигр ранен, он может покласть лошадей! — скомандовал лейтенант С., резко щелкнув затвором маузера в деревянной кобуре.

Пробившись сквозь камыш, мы выехали на край обрыва и спешались. Два бойца с оружительной быстрой подхватили пульзу, увлекли лошадей. В нашем строю ничего было и мечтать пробиться вперед. Но мы пришли к чему бы и не привели. Камыш был настолько густой и непрорезаемый, что мы перестреляли бы друг друга с первых шагов. А здесь, на краю обрыва, у нас были все шансы осмыслить свинцовым дождем тигра, едва он вынесет морду из зарослей.

Рев прокричался так же неожиданно, как и раздался. В наступившей тишине мы ясно услышали предстерегающий крик Абди:

— На-ча-а-а-льни! Смотри крепко, начальник!

Это означало, что раненый тигр идет к нам. И действительно, камыш запыхтел. На одно мгновение мелькнуло и тотчас же исчезло тело зверя. Четыре выстrelа прогремели над моим ухом. Громко взорвавшаяся из автоматического маузера, ударившись о мой локоть, скользнула в траву. Разогравшись, и не удержалась и наугад выстрелила из карабина в ту сторону, куда исчез тигр.

— Не стреляйте зверя! — строго окликнул меня начальник заставы и побежал ко próprio образу.

Следуя за ним, мы выскочили на открытое пространство хлопкового поля.

Это был как раз самый напряженный момент облавы. Тигр, шарахнувшись от наших выстrelов, огромным прыжком выскочил на тропу и онутился перед автомобилем. Шофер с испугом переключил передачи. Рев автомобильного гудка оширил зверя, и он застыл на мгновение на тропе. Этого было достаточно для командира отделения и его двух бойцов. Три метки пули вошли в могучее тело зверя.

Взревев от боли и ярости, тигр метнулся настрему отважным пограничникам, но, как подкошенный, грохнулся на выстиланые лапы. Нуля из крупнокалиберной винтовки хладнокровный Абди настиг зверя в воздухе в момент его прыжки.

С рычанием и страшным ревом зверь забился в гущу зарослей, волоча простреленные задние ноги. Пограничники, вскнув винтовки наперевес, ринулись в атаку на зверя, ломясь сквозь камыш. Напрасно вытягивал свое могучее тело вльдака джунглей. Волчок сжал когти и, прыгнув, пружиной стальные мускулы. Пуля командира отделения попала в его левую лапу. Абди, выскочив из машины, Пули бойцов К. и Ж. вились зверю в бок. А выстрел знаменитого зверобоя перебил мышцы на обеих задних ногах зверя. Прыгать он уже не мог. Он зарывался в заросли, рица в Бессильной зврости. Но, погибая в этой нервной борьбе, он ни разу не повернулся лицом к лицу и вызывающе ревел, обнажая огромную пасть, усиленную хищными и острыми клыками.

Мучные мускулы в последний раз скжались и разжались и застыли в неподвижности. Выгнувшись остро отточенными когти медленно ушли в мягкие подушечки отмытых лап. Все было кончено.

Бросившись первым к зверю, Абди поднял лапу к красавцу-тигру.

— Это он, — проницая Абди, внимательно рассматривая огромную ступню. — Он взял зверя из Бобо-Сафлора... Уже из бербюда из каравана Бобо-Дарваза... Я узнаю эти ступни.

Опустив лапу, Абди выпрямился, и его глаза блеснули:

— Ах, начальник! Ой, начальник! Какой большой тигр! Сильный, как трактор! Все ему боится. Только по-границчику ему не боится. Пограничнику никому не боится. Ни — большой тигр. Ни — плохой люди!

... с рычанием и страшным ревом зверь забился в гущу зарослей, волоча простреленные задние ноги.

Союз

Вождливый зимний вечер Кирилл вышел из полуутонченной пахучиной горницы, копытами кузины. В ушах у него еще звучало хриплое: «Если завтра утром ты опять опоздаешь, то я тебя вышвырну за дверь, как собаку!» Хозин Бурбон сегодня был пьян и поэтому в пахучине настроение.

Кирилу Компену триццадать лет. Он живет на окраине города — деревне Либрута. Мать отдала его ученику в кузину Бурбона. На обязанности Кирилла: два раза в день наполнять водой лохань, тянуть цепь раздувальных мехов, держать ноги лошадей, когда их подковывают, а в жаркие дни скгонять мух с их живота метелкой из густых конских волос. Кроме того он должен еще мыть хозяйственное посуду и выполнять поручения хозяина. Ученикому же он должен работать два года, потому что в течение первого года он бесполезен. На второй год ему могут заплатить остаток срока и сорок суль по воскресенье, если он угодит хозяину. Когда вспоминает срок учения, Кирилл получает звание подмастерья и ему придется искать работу в другом месте. Бурбону он больше не будет нужен. Но до этого еще далек: Кирилл работает учеником всего три месяца.

Надвинув карман на плечо, втянув шею в пальцы, Кирилл идет, подняв короткий старый пиджак, сапщик тонкого для зимы. Льет дождь. На ногах у Кирилла широкие и длинные брюки, спадающие на деревянные башмаки. Трешины на башмаках скреплены кусками черной жести.

Кирилл не особенно интересуется одеждой. Но обувь. Утром, в час в стекло витрины, Кирилл смотрит на обувь. Все мужские ботинки «для города» — 35 франков; лакированные «принцессы» — 15 франков. «То, что вам надо», «последний крик», — читает он на этикетках. Он бросает взгляд на женские ботинки и снова переводит взор на мужские: 45 франков «то, что вам надо».

Он отходит от витрины. Минута освещенные улицы, он заворачивает в переулок. Дождь хлещет все сильнее.

Темный, грязный переулок. Злозонная лестница.

Мать встречает Кирилла упреком, почему он пришел так поздно. Где это он слонался так долго? Уж не кутила ли чего доброго? Они уже поклонились.

Помышляя во дворе под крыном, Кирилл снимает с себя рваные вельветовые брюки, густо залыпанные грязью, и просит у матери чистую рубаху. Мать пожимает плечами. Она кричит искривившимся от злобы ртом, что все это переделывай — пустая комедия глупости. Мальчик тихо и скромно сел — лицо было истина на репетицию хобота. Мать отвечает что ей наливавший на хор и что хор не дает хлеба. Но мальчик настаивает. Наконец, женщина с проклятым дает ему рубаху. Кирилл надевает желтые брюки в черную полоску и светлосерый пиджак из хлопчатобумажной материи. Пиджак тесен ему,

рукава слишком коротки и узки. Из-под петли Кирилл достает ботинки, старые ботинки сестры, умершей два года назад. У них слишком длинные, острые носы, союзки с обеих сторон распорялись. Башмаки — дрянь. Но как бы то ни было, Кирилл не может войти в залу, где происходит репетиция хора, в деревянных башмаках. Ах, если у него была пара новых ботинок или подушечки!

Рабочий хор, в котором поет Кирилл Компен из труппы Либерте, состоит из пятидесяти певцов. Ставший рабочий хор — вторые и первые теноры — мальчики-изтукачи. Всех зовут «бэбами». Так же, как и он, Кирилл, изучавший их самоучкой по старому учебнику солфеджио. Кирилл — лирический тенор, солист. Когда ему было 9 лет, он пел молитвы в церкви на пасхе. Но потом он перестал ходить в церкви. Позже, в школе, в рождественский вечер,

— Завтра они будут готовы, — уверял Товий.

когда зажигали елку, он пел куплеты Козыва:

«Босса, откуда этот шум,
Раффодил, который пытается.
И нех моих сос-дев...»

«Хороший лирический тенор!» — говорит дирижер хора Людовик Рондоль, отец Людовика — как прозвали его хористы. Он очень доволен тем, что голос малышика еще не претерпел изменений, связанных с возрастом: Кирилл еще может давать «сал» в верхнем регистре.

Какой дождь! Поскорей бы дойти! Погода бы очнулась в Народном доме! Ах, как Кирилл любит спевки рабочего хора в зале с четырьмя колоннами, въмощенными черными и белыми панитами! Печь горяча, в зале тепло. Сначала занятия идут группами, а затем все поют вместе, повинувшись дирижерской палочке отца Людовика. Этим летом на народном газоне неизвестный пользовался большой успехом. Сейчас, в теплую погоду сезона, он усиленно разучивает «Новую прелест в пустыне». «Вот это настоящая музыка!» — сказал как-то старик Людовик. Мотыни из этой вещи Кирилл напевает про себя в кузине, пахнущей жженым рогом. Он засыпает под этот мотив вечером в теплой грязной комнатке.

— Пиано, пиано! — требует отец Людовик.

Поющие тихо возвращают о приближении каравана. Затем начинается «карнавал». Сынчатают, тают и поднимают струны скрипки, пыль, громкие звуки голосов, хриплые окрики, усталое дыхание животных. Караван все приближается, и вдруг, при свете зари, идущие видят oasis. Крики радости. Шум размешавшихся людей и животных, бульканье воды. Веселая и радость людей, утоляющих жажду.

За песчаными холмами исчезает солнечный щип. Свет почти гаснет. Неподвижные пальмы осеняют спящий людей и животных. «Погонщик верблюдов засыпает...» — тихо поют в низких тонах баритоны и басы предметы. «Погонщик верблюдов засыпает...» А теноры не перестают повторять в терции: «Ночь... ночь... ночь...» Такое же повторение впереди каравана.

Ах, как любят Кирилл эту музыку! И вот, когда все голоса затихают и наступает абсолютная тишина, Людовик Рондоль кладет свою дирижерскую палочку на пульт, как бы считая свою задачу выполненной. Тогда раздается чей-то нежный детский голос. Это его голос. Это голос Кирилла Козыва из труппы Либерте.

Они будут петь на концерте в здании муниципалитета после выступления какого-то виолончелиста и перед исполнением акта из мольеровского «Мещанина во дворянстве». Они будут петь перед префектом, мэром и большим количеством публики. Старинный Либерте спела Кириллу: «Бороды горячие» — поговорил с ним. Когда я положу палочку, ты выступишь вперед, подойдешь, по ковру к краю сцены и споешь свое соловьище.

На ковре, на краю сцены, в башмаках, у которых порван верх и нет подошвы и хабуров...

Пиджак у него серый, светлый, немного, правда, теплый, но зато чистый. У него есть каштановая стоячая воротничок из целлофана и галстук в горошинку. Он наденет желтые брюки в черную полоску — старые брюки, но еще довольно приличные, их подарила ему одна соседка. Мать положила на

вих заплату, но эту заплату никто не увидит, так как он будет стоять лицом к публике. Но вот — что поделать с салогами?..

Этот торговец кроаличими шкурками — достойный человек. Он всегда угощает Бурбона и даже Кирилла. В этот день они втроем выпили по стакану белого вина. И когда они вышли из бачаки и Бурбон пошел впереди, Кирилл потянулся за полы и спросил, нет ли у него случайно в продаже башмаков. Он, Кирилл, выплатил бы их стоимость в течение месяца.

— У меня их целые вазы! — ответил торговец.

В обеденный перерыв Кирилл забрался на чердак купца и среди груды триялок и старых консервных коробок нашел пару башмаков, называемых «морские ванны».

— Я тебе их дарю, — сказал торговец Кириллу.

Вечером Кирилл показал башмаки матери:

— Это для гала-концерта, в котором будет участвовать рабочий хор. Если бы у меня было три франка, чтобы подшить к ним новые подошвы!

Мать молча покляла пальцами. Кирилл вышел из комнаты. Он направился на улицу Траверсерь с башмачиками, которому они оставались должны двенадцать франков. Но, может быть, он не узнает сына Компена! Кирилл склонил башмаки: «Я вам буду вымывать по часам!» — сказал он. Мать сказала, что какой-нибудь закасячий Бурбон даст два су на чай ученику.

Блеснув черепом, похожим на спину обшипованной птицы, башмачик схватил «морские ванны», нажал толстыми пальмами обеих рук на подошвы, увеличивая зияющие ими дыры, и дарил, возмущенный, широким ботинком по ноге. За каждого его привозят по часам! — твердила мать. — А его двенадцать франков? Когда же их отдашут? Он решительно показал Кириллу два чаековых по пять сук.

Кирилл завернулся башмаки в газету и вернулся домой.

«Лирический тенор», — думал он горько, — лирический тенор, у которого нет горючего голоса, чтобы выступить на концерте...»

Он зевнул, леж и сейчас же заснул.

На следующий день, вновь с кроаличими шкурками спросил Кирилл, хорошо ли он почистил свои новые башмаки и когда он их наденет. Кирилл ответил, что сапожники верхнего города сейчас заявлены заезжими и потому отказываются принять в поисках башмаков. Тогда торговец указал Кириллу спальнику Тонии. Тоний, на улицу Дюбартара, предместье, по ту сторону железного моста. Это лучший сапожников район, очень исполнительный. Кириллу достаточно сказать: «Держу ваши азиады у Бурбона, кузнеци с улицы Труа-Вал, и мени посыплю в ваш темный кроаличий шкурки!»

Ульяна Дюбартара предложила сокусинок. Вот и мастерская Тонии — полная с небольшим четырехугольным оконечком. Но в мастерской никого нет. В глубокой за душечкой Кирилл прогуливается по набережной. Какие-то люди, громко разговаривая, выходят из небольшого кафе с зелеными занавесками из-под толстых с большими животами, отталкиваясь от группы и спускаются вниз, в подвал. Кирилл догадывается, что это, наверное, сам владелец мастерской. Так оно и оказывается. Пузатый башмачик любезно разговаривает с рабочим Бурбоном Труа-Вал. Он раздает монеты, которые Хорват, кроаличий башмачик, ждет еще просушивать. Он их так понимает, что они станут как новые, и эти обойдутся всего в пятьдесят су. Так decisivo он берет только потому, что Кирилла направил к нему торговец кроаличими шкурками.

Каждый вечер в течение всей недели Кирилл ходил в предместье. С безразличным видом проходился он перед грязным

окошком. Тоний сидел в кафе, там он играл в карты. Башмаки с верхом из серого холста валились в кучу, другие, распоротые в продольном сечении, кули синими кильками струя с искаженным выражением лица. Ома, не переставая, теребила голубой передник руками, одергивавшими от холода. Когда изредка башмачики бралися за работу, Кирилл входил, снимал с головы картуз и смотрел, не произнес ли слова, на свою «морскую ванну», ожидая их очереди.

— Завтра они будут готовы, — уверял Тоний.

Кирилл делал попытку умыться доверчивой умом. Он говорил приближениям вечера, когда рабочий хор должен выступить. Секунды спустя, для концерта не за горами. Программа вечера уже появилась в газетах.

— Не беспокойся, сделаем к сроку, — сказала ему Тоний.

И вот наступила день праздника, звезды блеснули, музыка зазвучала. Концерт начинается в 9 часов вечера. Когда прибывает 9 часов, оркестр запевает увертюру.

Будильник на камине у Бурбона показывает 7. Посуда холостяка вымыта и составлена в буфет. Равный передник и вымощенные пальмы, в которых почищены ягоды на гвозди к дверям. Кирилл бежит по улицам, по перекресткам. Он останавливается на мосту, он задыхается, его сердце бешено колотится. Он не решается идти дальше, он медлит. Он опускается в глубину кармана, из которого он заплатит Тонию в счет птицелести. У него сегодня было двадцать пять сук на птицы.

Они будут замечательны, его «прищель»! Вчера вечером

Тоний говорил, что он превратит его «морские ванны» в заправские «прищель»!

Вот макаронист, садясь на скамейки, вспоминает башмачика Тонии. Кирилл останавливается, закрывает глаза, становится на колени, открывает глаза и видит, что его башмачки так же, как и прежде, лежат в куче, пыльные башмаки со всеми своими дарами...

Мальчик тихо стоит. Затем набирается храбрости. Он показывает этому башмачику! Он открывает дверь кафе и спрашивает, переходя от стола к столу, где сапожники Тоний. Какой-то мальчик, играющий на бильярде, отвечает ему смело: «Тоний? Он, видите, не в первых, он пошел пить в другое кафе, не пытайся!..

Возмущение Кирилла исчезает. Его охватывает безразличие. Медленно бредет он к мосту. Остановившись под газовым рожком, он опирается обеими локтями на панели. Вода в реке темна, слышно, как лыдины ударяются о быки.. Как было бы хорошо улечься в этой воде...

Если бы сестра Элизе не умерла, она сказала бы ему: «Когда ты будешь леть на эстраде, приблизься как можно ближе к краю, рампа закроет твои ноги в рваных ботинках...»

«Рампа на краю эстрады», — произносит громко Кирилл, подставляя лицо холодному ветру. Она может скрыть ботинки. Почувствовав вновь приятный син, Кирилл направляется к зданию мунисипалитета.

Сторожка, украшенные галунами, не видят, как он поднимается по мраморной лестнице в грязных рваных вельветовых брюках и деревянных башмаках. Они не видят, как он, краукаясь, топотом вор, заглядывает в открытую дверь залы с позоло-

Кирилл плачет, и плач его вздрагивает.

ченным высоким потолком. Мягкий полусвет освещает залу. В углы стоят пальмы. Они должны изображать пальмы пустыни. Возле пинзино стоит контрабас. В дверях Кирилл видит конверт, лежащий на скамье. Он великолепен, этот конверт, но на нем нет ничего, что могло бы скрыть его ноги, ничего, ничего...

Кирилл снова нахлобучивает на голову картуз. Может быть будет лучше, если он вернется туда, на мост...

Но кто-то появляется под пальмами, какой-то членовяз куртка, он выходит из-за угла второго дерева. Этот человек развлекает сам с собой и жестикулирует. Это Лодовико Рондона. Подчукающий, он замечает мальчика.

— Это ты, Компен! Подожди минутку... Погляди, хороши? Ну как, удобно будет тебе петь?

Спустившись с эстрады, Лодовик подходит к Кириллу и говорит, положив ему на плечо руку:

— Мы сейчас пойдем с тобой покупать тебе башмаки. Пойдем сейчас, а то скоро закроются магазины.

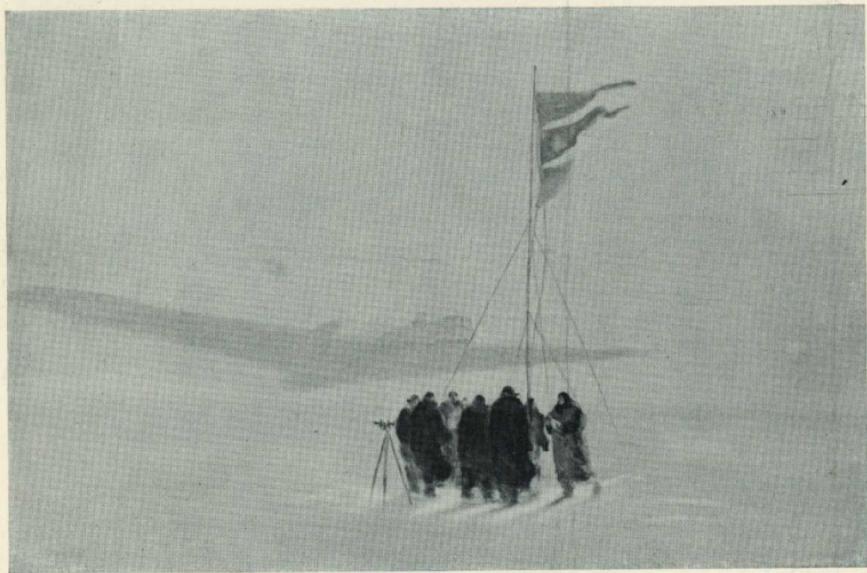
И так как Кирилл делает резкое движение, как бы желая уйти, старик Лодовик, с трудом подыскивая слова, обясняет мальчику, что он сможет вернуть ему деньги тогда, когда он будет мене... Да разве возможно!.. Скорее рабочий хор совершит турнир по Франции и Компен хорошо забудет о тебе...

Ребенок хватает окоченевшими пальцами за куртку Лодовика и вдруг опускает голову. Затем он отворачивается к двери и закрывает руками глаза. И, не слыша, как старик говорит ему, что они не должны терять времени, Кирилла плачет, и плач его вздрагивает...

Перевод с французского Б. ГЕНДЛЯРА

Л. БРОНТМАН,
участник воздушной
экспедиции на Северный полюс

БЕССМЕРТНЫЙ

Первый митинг на Северном полюсе.

Первые дни нашего пребывания на полюсе были заполнены напряженной работой. Шло капитальное строительство станции «Северный полюс». Мы вынимали из снега огромные кирпичи и строили помещение радиорубки для Кренкеля, добывали огромные ямы в толще льда, устанавливая ветряную электростанцию, перевозили папанинскую сортиментную грузы, устанавливая газовую жидкую пальму, строить снежную кухню, вести первые научные наблюдения...

Наконец, все было готово. В полночь, в два часа ночи, под открытым небом собрались все участники экспедиции и зимовщика. Нас было 35 человек. На митинге поднялся начальник экспедиции О. Ю. Шмидт. Он произнес короткую речь о родине и партии, поднял флаг страны, смыкнувшись с группой людей из города Свердловска, оставшейся на земле работать во славу и честь своей страны.

Шмидту отвечал Папанин. Откуда-то с юга налетел крепкий ветер, немного пуржало, было холодно. Иван Дмитриевич, волнуясь, говорил о том, что четыре советских патриота не посрамят своей страны, не уронят престижа советского государства. Он просил Шмидта передать товарищу Сталину, что дело, порученное зимовщикам, будет выполнено.

Папанин поднял обувь советскую станцию «Северный полюс» открыл. Раздали ружейный салют. Эрнст Кренкель выబил троц, и на мачтах у главной палатки вились два флага: государственный флаг Советской страны и стяг с портретом товарища Сталина. Мощное «ура» и возгласы в честь родины и Сталина прокатились над льдиной.

— По машинам! — разразился команда.

К старгу все было готово. Зимовщики ходили от самолета к самолету и горячо прощались с летчиками, механиками, журналистами...

За долгие и жесткие дни экспедиции мы склонялись. Нас спала замерзшая дружба, которая так типична для советских полярников. До боли в сердце нам было жалко улетать, разъединяться со своими товарищами.

Да и они были явно взводозованы представителями разлуки. Передавая нам письма и поручения на Большую землю, они пытались шутить. Папанин делал вид, что даже рад нашему отъезду.

— Вы уплотнили Северный полюс. А мне, по закону, полагается дополнительная полярная площадь, — говорил Иван Дмитриевич.

Но видно было, что и ему несложно прощаться с друзьями.

Могучи разбजжались, в воздух ушел самолет Водопьянова:

За них взвыла машина Мизурука. На старте руки Алексеев:

«Пора, парни!»

Мы еще раз крепко обнимаемся с дорогими друзьями, братски целуемся и спешим к самолету. Молоков дает газ, машина тяжело подпрыгивает на снежных надувах и, наконец, отрывается. Выше, выше... С воздуха виден покинутый и кружящийся спиртовым лагерем: четыре зимовщика, неподвижно стоящие на льдине, палатки. На мачте развеваются гордые стяги родины.

Самолеты пробивают облака, выходят к солнцу и берут курс на юг.

Девять долгих месяцев провели папанинцы на своей льдине в безбрежных просторах северных морей. Их лагерь прошел извилистый путь от Северного полюса до южных границ Гренландского моря. Весь этот путь изучен папанинцами до последнего километра. Карта дрейфующих льдин нестриг бесчисленными научными спасательными результатами: сейсмическая, гидрологическая, гравиметрическая, промерами глубин, отмечена кротостными и тщательными наблюдениями: биологическими, магнитными, астрономическими, гравитационными, метеорологическими.

Мы помним дни, когда всю страну всколыхнула тревожная весть: 1 февраля жестоким штурмом льдины, на которой находилась станция «Северный полюс», разломало на несколько частей.

Сохраняя полюс, самообладание, папанинцы, эти замечательные люди, несмотря на свою беспредельную изобретательность, радиостанцию, продовольствие и теплую одежду.

Вторым порывом шторма льдины вновь разломали на несколько частей, и вновь героическая четверка самоотверженно спасала имущество станции, уместившись на небольшом обломке величиной меньше футбольной площадки.

Советское правительство мобилизовало все средства для помощи зимовщикам станции «Северный полюс». На Север, в Гренландию

ПОДВИГ

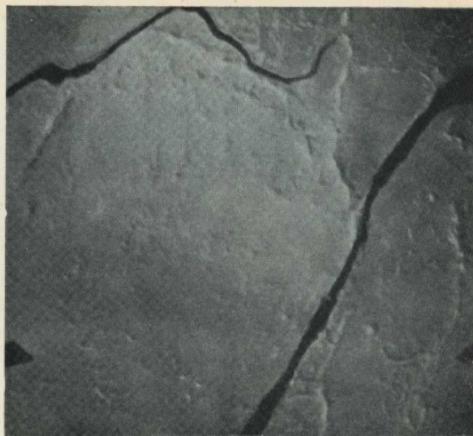
ское море, из Мурманска вышли гидрографическое судно «Мурманец», ледокольные пароходы «Таймыр» и «Мурман», из Ленинграда отправился мощный линейный ледокол «Ермак». На борту кораблей находились самолеты, мощные радиостанции. Товарищ Сталин внимательно следил за ходом всех операций.

Все эти корабли и самолеты, включая самолеты, побывали вперед корабли во льдах Гренландского моря. Вся наша страна с неослабным вниманием и волнением следила за продвижением судов. И вот 19 февраля состоялась долгожданная встреча. Ледокольные пароходы «Таймыр» и «Мурман» подошли к льдине Папани. Доблестные моряки сделали славную героническую четверку. Папанины были более здоровы, бесконечно рады и беспредельно изволнованы.

В 15 часов Эрнст Кренкель в последний раз сел за передатчик своей радиостанции. Он посыпал в эфир гордые слова рапорта зимовщиков товарищу Сталину и его соратникам: «15 часов 55 минут радиостанция «Энгельс» сообщила первому историческому документу. Замечательный передатчик умолк».

Еще через час зимовщики и все грузы станции находились на борту советских кораблей. На одинокой ходовой лыдине остался лишь флаг Советского Союза, развеваемый штурмовым ветром.

На снимках (слева направо): Станция «Северный полюс». Подготовка к глубоководному наблюдению в скважине. Папанин, Федоров и Ширинов прорубают лунку во льду. В руках Ширинова батометр — прибор для измерения воды и измерения температуры. Федоров проводит астрономические расчеты.

Льды на пути к полюсу (снято с самолета).

Фото М. Трохинского.

Эрнст Тельман

3 марта 1933 года. Около 6 часов вечера. В берлинских редакциях после короткой передышки сквозь начинает монотонно выступающий автоматический телеграф. Официальное информационное агентство передает очередные сообщения: «Сообщение телеграммы союза комитетов спортивной заседания: комитет спорта, спортивный реферат». Но вдруг в глаза бросаются три коротенькие строчки. Они так ошеломляют, что их перечитываешь несколько раз: «Сегодня берлинской полиции удалось высадить и задержать в его нелегальном учреждении руководителя коммунистической партии Германии Эрнста Тельмана.»

Это случилось через четыре дня после поджога рейхстага, парламента, и за два дня до дня выборов в рейхстаг, когда еще допускались избирательные списки не одной только фашистской партии. Несмотря на кровавейший террор (Гитлер был у власти уже более четырех недель) свыше 5 миллионов голосовали за загаданную в пользу коммунистическую партию «Пират, Георгий и Ко», вообразившую, что преступство над рабочими никакие выборы не изменят замещающее в рядах пролетариата жестоко обмынулись в своих расчетах.

Пять долгих лет стоят с тем пор Германия под чудовищным именем фашизма, но никакой террор, никакие репрессии не могли поколебать ее германского духа. Она продолжала идти своим путем и отважно. Она подготовилась к тому, когда германский народ порвет оковы, наядетые на него фашистскими варварами, и будет творить беспощадный суд над своими мучителями. Фашисты ответят за все свои преступления. Они ответят и за то, что в течение долгих лет держали в темнице «подлинного и лучшего представителя германского народа», как называл Тельмана Георгий Димитров.

Пятью. Лицам, занимавшимися в этом спикере, отказывали в работе. Тельман рано узнал, что значит быть безработным.

Чем дальше, тем резче и резче выступают Тельман против мещанского оппортунизма, процветающего в руководстве союза транспортников. Он становится вожаком революционно настроенной молодежи. Он заносит классовую борьбу в студенческую хартию профсоюзального движения, требуя для молодежи разноправия внутри союза. Во-преки сопротивлению профбрюрократов Тельман в 1912 году организует в Гамбурге первую профсоюзную юношескую секцию.

Позиция профсоюзных чиновников в этом вопросе была классической. Их поддержало за несколько лет до этого старое реформистское лицо Робертом Шиннатом, который отговаривал молодежь от всякого участия в профсоюзной работе. «Принесет ли лучше взаимо...» — говорил он молодежи, — и күбе на эти деньги кусок колбасы. Это тебе будет полезнее.

Те, кто говорил таким образом, в августе 1914 года посыпали такие люди, как Тельман и другие члены профсоюзной администрации. Тельман завел небольшую торговлю опоцами и углем. «Прибыль была такова, что старому Тельману едва хватала на пропитание на себя и семью.

Как и Георгию Димитрову, Тельману еще в детстве приходилось зарабатывать, чтобы помогать семье. Уже подростком работает он грузчиком в гамбургском порту, где он выносил и сажал. Четыре года он был принят в испанскую ассоциацию на тайный пароход, который лает в Америку. В Америке он не долгое время работает багряком, затем возвращается в Гамбург.

Здесь Эраст Тельман в 16 лет вступает в единственную существовавшую тогда рабочую партию — социал-демократическую. Двумя годами позже он вступает в профсоюзный союз. Вскоре он становится доблестным лицом рабочего представителя при разборе трудовых конфликтов. Не удивительно, что Тельман попадает в черный список, который составлялся предпринима-

тельской акт. Процесс этот откладывался несколько раз. Сиником катастрофичен был эффект, санкциям зловещи были последствия процесса Димитрова для престижа «третьей империи». Фашисты побоялись нового правила. Но обвинительный акт существует. Он был в свое время переиздан в Гамбурге путем через границу и опубликован в выдержках в европейской рабочей прессе. Вот что буквально говорится в этом документе:

«Во времена войны Тельман никогда не занимался никаким другим делом кроме революционного пролетариата. Наоборот, он непрестанно и неустомимо все подпольную пропаганду против войны и за ее революционное окончание. Особую заботу он уделял распространению нелегальных брошюр и газет, за что на него наложились тяжкие дисциплинарные наказания. Однажды, получив после двухлетнего заключения отпуск, который он проводил в Гамбурге, он использовал отпуск для проведения там нелегальных собраний».

Так фашистский обвинительный акт превратился в почтенную грамоту для большевика Тельмана.

Через пять лет по окончании войны мы снова видим Тельмана на фронте. Это время гражданской войны. Эраст Тельман — больше не социал-демократ. Еще во время войны он примкнул к возникшему в Германии радикальному крылу социал-демократической партии, которое создало обособленную «независимую социал-демократическую партию». На рубеже 1918—1919 годов родилась коммунистическая партия Германии. Когда в 1920 году Тельман вступил в нее, он привнес с собой 90% гамбургских «независимцев».

К тому времени Тельман давно уже был признанным вождем революционных гамбургских рабочих. Но на центральном руководству германской коммунистки прибралась гнусные представители Брандлер и Тальмайер. В исторические осенине дни 1923 года, когда в Германии нарастала революционная волна, Брандлер, Тальмайер и с ними предали рабочих, сорвали восстание. Только в Гамбурге дело дошло до

Эраст Тельман — «Тэлди», как ласково называли его рабочие, — родился в Гамбурге 16 апреля 1886 года. Его отец — Гартнер, Иоганнес Тельман, который прокормил семью, приютив, искать работы в городе. Был Иоганнес Тельман курем, был и ходзином траулерника, куда на борту забрасывались рабочие... Полностью рабочий, траулерник, становился потом владельцем работы. Иоганнес Тельман завел небольшую торговлю опоцами и углем. «Прибыль была такова, что старому Тельману едва хватала на пропитание на себя и семью.

Как и Георгию Димитрову, Тельману еще в детстве приходилось зарабатывать, чтобы помогать семье. Уже подростком работает он грузчиком в гамбургском порту, где он выносил и сажал. Четыре года он был принят в испанскую ассоциацию на тайный пароход, который лает в Америку. В Америке он не долгое время работает багряком, затем возвращается в Гамбург.

Здесь Эраст Тельман в 16 лет вступает в единственную существовавшую тогда рабочую партию — социал-демократическую. Двумя годами позже он вступает в профсоюзный союз. Вскоре он становится доблестным лицом рабочего представителя при разборе трудовых конфликтов. Не удивительно, что Тельман попадает в черный список, который составлялся предпринима-

баррикадных боев, продолжавшихся несколько дней подряд. «Боицы революционных баррикад телом и жизнью своей спасли честь коммунистической партии Германии», — говорил плюсследствия Тельман.

* * *

Вождь революционных рабочих Гамбурга становится вождем революционного пролетариата всей Германии. Когда германская партия сделала из Тельмана в 1932 году, чтобы официализировать чуждых элемен-там Эрнста Тельмана вошел в состав партийного руководства. Девять лет подряд, пока его не схватили фашистские идиоты, отдает он всего себя работе по большевизации партии.

С поразительной непреклонностью проводит Тельман все эти годы ту борьбу на едином фронте, которую, по сути дела, предложила гвардии германского революционного большевистского крыла партии. Под его руководством в 1925 году была разгромлена ультраправая, сектантская группа Рут Фишер — Масловая, а впоследствии — группа ультраправых соглашателей (все они без исключения, как известно, погибли в болоте троцкистского беландизма). В 1926 году товарищ Сталин дал такую оценку тельмановскому руководству партии:

«Изысканный ЦК германской компартии не ушиб с неба. Он роликами в борьбе против ошибок, сделанных с правой стороны, и укрепился в борьбе против ультраправых ошибок... Тот факт, что в изысканном ЦК преобладают пролетариат, делает только честь германской компартии».

Вединский съезд германской компартии в 1929 году был вынужденной демонстрацией единства и сплоченности германских большевиков под знаменем Ленина — Сталина.

КПГ под руководством бывшего гамбургского грузчика превращается в сильнейшую коммунистическую партию в стране капитализма. Под руководством Тельмана борьба эта насчитывала 300 тысяч членов и, что еще важнее, многие десятки тысяч подготовленных и проверенных в борьбе партийных работников.

* * *

Мы уже видели, как относился Тельман к войне в разгар мировой войны. Он интернационалист до мозга костей. Мирный пролетариат никогда не побудил его речи к парижским рабочим, пронзившим им 31 октября 1932 года. Появление Тельмана в Париже было сюрпризом для парижских рабочих; так как французские власти запретили его выступление, ему пришлось говорить «нелегально». Митинг проходил в зале, на окраине французской столицы.

«Мы не допустим, — воскликнула Тельман обличающая французских германских и французских трудящихся снова настраивали друг против друга для братоубийства... Все связывает нас, представителей рабочего класса Германии, с вами, представителями трудящихся эксплоатируемых масс Франции... Пролетариат Германии и Франции, обединяйтесь!»

Так же непрестанно учил интернационалист Тельман германский народ безусловной преданности и горячей любви к Советскому Союзу, к величайшему народу трудящихся со всего мира, — парижанам Сорбонны.

Главное, что сделало Тельмана подлинным пролетарским вождем, это его честная и страстная борьба за антифашистский единный фронт. «Вопрос о едином фронте против фашизма — это вопрос жизни для германского пролетариата», — так заявил он на берлинском антифашистском конгрессе 10 июля 1933 года.

Когда волна фашизма вздыбилась все выше и выше, Тельман, несмотря на свою честность, чтобы осуществить единный фронт между коммунистическими и социал-демократическими рабочими. Тотчас же после прихода Гитлера к власти была сделана первая

Вождь германских пролетарев Эрнст Тельман в пролетарском Берлине приветствует колонны антифашистских бойцов (1930 год).

попытка переговоров между представителями коммунистической и социал-демократической партий о едином фронте. Фашисты не могли не понимать, что грозила им удача дела, за которое боролась Тельман, осуждая линию Коминтерна. За то и за то честолюбивый Тельмана фашисты, что он был таким пламенным борцом за единный фронт.

* * *

Когда же Тельмана захвачивали дверь кинотеатра, ему было «урок» семь лет. Теперь ему уже пятьдесят лет...

Движение протesta против его заточения давно уже охватило весь мир. То дело, за которое боролась Тельман — сплочение всех антифашистских сил, без различия партий, профессий, социального положения,— за эти леты достигло огромных успехов.

Из года в год ко дню рождения Тельмана на него им получаются десятки тысяч писем и телеграмм со всех концов света.

Февраль 1933 года. Канун последних выборов в рейхstag. Тельман в подполье. Гитлеровские штуперы ищут его по всему Берлину. Но стены домов расписаны коммунистическими лозунгами: «Против богатых, за бедных. Выберите Тельмана!»

«Деятельность Тельмана была всегда спрятанная, честна и открыта, — говорит вспоминающий Рудольф Розенберг, 51-летний человек со дня рождения Тельмана. Даже в Германии всем известно, что в лице Тельмана правительство Гитлера преследует не личность, а принцип, идею». Как знамя той же идеи, имя Тельмана носит сейчас одна из лучших бригад республиканской армии Испании. В этой стране есть фабрики с именем Тельмана. В Берлине же, в названии хранится память о мощном созре красных фронтовиков, создателем и центральным руководителем которого был Тельман.

* * *

В самой Германии эта память сильна сейчас, как никогда. Не забудется день, когда по призыву Тельмана в Берлине собралось со всей страны смыте стыдом тысячи красных фронтовиков, чтобы продемонстрировать силу пролетарских батальонов.

В Берлине же, в сорока кварталах висеют красные флаги с серпом и молотом. Гигантская прекрасно дисциплинированная армия несколько часов подряд проходила ровным походным маршем по улицам германской столицы, и во главе, в форме красного фронтовика, с поднятым кулаком, шел Эрнст Тельман. Для берлинских трудящихся этот красный кулак, этот красный коготь был огромным событием. Всё содрогнулось, появились новые воры в неодолимую силу партии, в конечную победу рабочего класса.

Героическая коммунистическая партия Германии сегодня работает в подполье. В подполье она растет и крепнет, прибликая час победы народных масс Германии над фашизмом. Именно страх перед этим неизвестным будущим, перед тем, что произойдет, стоящий у руля Германии, на новые и новые акты террора, на все более безумную подготовку к войне. Весь ее страх, вся ее неизвестность, воплощены в одном звуке — имени Тельмана. Он все время стоит перед ними: во главе красных фронтовиков, в толпе, в движении легионов, когда был ходившим боевым узником. Фашисты цепко держат своего узника, но руки у них трясутся. И истребование, уплатная стены его камеры, чтобы наружу не проникли ни малейший звук, они с изъясением призываются к различающимся уже видам шага народных масс, которые идут и борются. Всё это влечет взломчатый звон трубы, а с ними и ворота гигантской тюрьмы германского народа, имеющей «третью империю».

У веретена.

Рисунки художника Н. Коцегина из серии «Старое и новое».

На текстильном комбинате в Ташкенте.

В обеденный перерыв.

Картина художника Н. Ковотковой.

ДЕВУШКА ИЗ КОРОЛИС-ТАВИ

Айше громко всхлипнула и повернулась лицом к стенке. Это была первая крупная неудача, и никто ее был в ней виноват.

В восемнадцать лет трудно прощать судьбе случайные неудачи.

В углах стояли странные звон от жара и тишины, и грохот, будто все чайные покоризывали большую кочку из шелух.

Айше Гургенидзе казалось, что изобретали не простят ей этой болезни. «Это очень плохой поступок», — думала она, — лежать в тбилисской больнице в то время, как в Москве идет первая сессия.

Айше закрыла глаза и представила себе, как старик, собравшийся у колхозного кооператива, не отпускает ее. Она считает на земле, вытаптывая ноги в грязных калошах и пестрых ширстистых поясах, измятных поверх брюк, и говорят, что на молодых нельзя поглядывать. Женщины бесшумно пробегают мимо, по привычке прикрывая рот кончиками платка, как чадрой, и опускают глаза. И тоже изверго осуждения... Ей вспоминалось прошлое, исполненное наездов того пути, когда она привел ее к дактаровскому дому, когда ее радио на ассоциирую обивали, что Айше Гургенидзе, девушка из селения Королис-Тави, избрана в Верховный Совет ССР.

...Она первая в колхозе стала работать на чайных плантациях рядом с мужчинами. Сколько было насмешек!

— Девочка бешеная, — говорили мужчины. — Коса болтается, а бесстыжая, как мальчик.

— Видно, из дома выгнали, кроме поганти некуда.

Мать смотрела на Айше со страхом и жалостью, но не смела остановлять и только просила больше кушать. Угощали, Юсуп Гургенидзе дома молчал, а встречавшие Айше стариками, туманно оправдывали Айше, не называя ее имени:

— Когда жизнь менется, не знаешь, где лежит начало хорошего.

Старик величко кивал головами, обмотанными огромными башлыками, но как только Айше выходила из дома, снова начинались насмешки.

Потом, когда Айше придумала новый способ сбора чая, когда она убедила свою соседку помочь ей собирать чайную Фатиму, тоже поспеть через чайную корзину и собирать чай обеими руками, когда она привезла вслед за собой комсомольский десятый аджарок и получила орден, колхоз стал уважать ее. Насмешки кончились, но появился враг.

Два брата Цинтарадзе ходили по селению и угрожали:

— Слушай сю, патефон ей, резиновые сапоги ей... Осено хитра. Такие девочки в деревне не нужны.

Разговоры не вызвали сочувствия, но Айше заметила, что братья Цинтарадзе за неё следят.

Однажды, когда Айше читала газету, вилась в кустах орешника, на ее голове неожиданно появился старший Цинтарадзе и, играя блестищим на солнце ножом, сказал:

— Долго счастья не будет...

Айше не испугалась. Она сообщила о братьях Цинтарадзе органам НКВД. Одного брата арестовали, но другого успел убежать. Выяснилось, что браты занимались контрабандой и несколько раз пересекали турецкую границу.

Айше попытала обесценить заявленного товарища Станили, — собирать по шестидесяти кило чая в день, но она знала, что это не предел. Ей хотелось прозерять себя, и а-

Сбор чайного листа на колхозных плантациях Аджарии.

ромон выделили для нее участок плантации под погектара.

С утра Айше принялась за работу. Быстро, сильные руки образовали молодые побеги. Айше торопилась. Было еще прохладно, и она хотела, чтобы часть работы сделать до полудня. Все в деревне знали, что Айше решила получить сегодня большой сбор.

В поздень Айше разогнулась и случайно подняла глаза вверх. Высоко над оживленными порогами плантации, на самой вершине холма, стоял человек и указывал на нее пальцем. «Кто?» — спросила Айше, — «памятник?» — подумала Айше, — «Нет, потому что я знаю, что это памятник» — обяснила что-то стоящей рядом с ним спорной женщине. Она кинула головой и неслышно стала спускаться чай. Через несколько минут Айше упала с сильного толка в плечо. Перед ней стояла Пагава, поклонившаяся из селения Королис-Тави. Она сорвала ревущий пачча Айше и спрятала его корзину на деревенскую скамью.

— Всё чай хочешь собрать, диннорукая обельница? — кончила Пагава. — Все добро во всем чаю хочешь получить себе? Не дадим! Отнимем!

А потом Айше услышала поток страшных турецких ругательств.

Айше испугалась и молча смотрела на старуху. И поскольку Пагава пропадала в беседке братишек. Слова разделены были на две части, и каждая из них звучала тише, наконец, настутило молчание.

— Ты та, — почтительно сказала Айше, — — только собери, сколько смогу, а потом, если хочешь, весь чай тебе отдам.

Согласив с толк, Пагава молчала. Она смотрела на Айше недоверчиво и раздраженно. Она не знала, что эта старуха может утешить свой чай, и в то же время ее пугало склонившееся Айше. В это время из деревни прорвал камень. Айше успела увернуться. Второй камень упал прямо к ногам Пагавы. Старуха погрозила цыпарыши камнем кулаком, и Айше увидела, что человек, стоявший на вершине холма, побежал.

Айше взяла Пагаву за руку, дала ей вторую корзину, и они молча стали собирать чай.

Этот день был неудачным, Айше собрала пятьдесят килограммов, а Пагава — пятнадцать.

Вечером Айше узнала, что в деревне появился второй брат Цинтарадзе, что он арендовал участок у Пагавы. Айше пошла в село и сказала, что старуха ни в чем не виновата она только ругалась по несознательности и ее следом отпустили. Покаяния Айше записали.

Винзу, около клуба, Айше остановила молодые колхозники. Они говорили, что никому не позволяют обижать ее, что она слава колхоза.

Айше покраснела, посмотрела на голову, а потом обрадовалась к приходу речицы.

— Колхозники, — сказала она, — сегодня у меня такой день, такой день, думается, если убьют, — кровь не польется. Мне эту темную женщину, Пагаву, жалко. И я могла бы быть такой. Рядом с собой хорошего примера не видела. Я в газете прочитала про Марино Демченко и подумала, почему не могу быть такой же, как Марино. Я хочу хорошо штурмовать, как женщины. Когда Пагава работать мешала, мне за себя и за всех наших молодых страшно стало. Родились мы раньше, — может быть, были бы такими же. Вы, мужчины, осенью пойдете в Красную Армию. Девушки будут учиться. Подумайте о ваших матери! Пожалите старухам, научите их уважать себя!

Несколько колхозников смеялись и смотрели на Айше, и Пагава сидела на стволе аджарки и попросила почтить ее газету. Объяснили, что символы прислали. Они рассказали Айше, что Пагаву выпустили, и она теперь сидит выходить на улицу.

...Айше открыла глаза. В палате стало темнее. Солнце уходило за горы. Из окна виден был весь город. Маленькие дома, густо налепленные друг на друга, указывая склероз болезни пройдет.

— В палату вошла слизняка.

— Завтра домой едем, дорогая, — сказала она, — дома воздух легче, дышать лучше, склероз болезни пройдет.

* * *

Из Батуми в свое селение Королис-Тави Айше ехала на машине. Дорога шла в горах. Винзу бурлила мелкая горная речка,

Айше Гургенидзе (крайняя справа) в стрелковом кружке.

твянулись бесконечные бородатые пороги членов шахматной, мольбертной подзанавные, будто занавешенные миниатюрными деревами.

На коленях у Айше лежала акварель зачерненная в газете книжка «Чай». В ней рассказывалась история молодой аджарки, несмотря на все прелестики кинчевского института и вернувшейся в родное село агрономом. О такой судьбе давно мечтала Айше. Уже в годы, она учились в Батуми, мечтала о будущем. Чрез три года она окончила школу, потом вуз, а затем Королис-Тави — чай и цитрусовые.

Машинка проехала мимо серо-голубой полузрумяненной греческой церкви, утопнувшей в рядах кустарников, и остановилась у клуба. Айше легко поднялась по горной тропинке и тихонько вошла в дом. Родители ее спали.

Все же королевская комната с желтой кроватью, запыленной в годубой цвет. На столе, покрытом белой салфеткой, лежат мыльница, «хлоропоч», зубная щетка, красавица каменная пепельница с большим медведем, привезенная из Москвы.

С утра начали приходить гости Айше

встретила их с большим смущением. Это как раз были старики — самый строгий народ. Но смущение скоро прошло. Старини торжественно жали ей руку и спрашивали о здоровье.

Айше пригласила по газетам рассказать о работе сессии Верховного Совета, о выступлениях депутатов. Наконец, разговор кончился, а старики еще сидели. Айше молчала, и звонко сказала: «Я не могу быть Айше! Наконец, дружок Хасан, член правления колхоза, поднялся и сказал:

«Сланана замечаша бирзуу по сходах, потог грязь под ногами... У нас дружинок стонт — покришет нет, и добиться не можем. Пххххопчи, Айше, в Батуми...»

После стариков пришли женщины. Все старухи перечесывали Айше, все подруги перечесывали ее новое кистчатое платье с мальчишескими карманами на груди.

Смыграя песню, Айше, — попросила сестру.

Айше взяла чонтури и запела песню, сложенную в колхозе:

«Новая жизнь, как река по камням,
Вперед бежит, бурлит...»

ВСТРЕЧА

То было ледяной ночью в Ленинграде.
Морозный, сорванный с каждого из нас!
Стояли мы, в белоснежный сумрак глядя,
И с горизонта не видели глаз.

Стояли мы на пристани, в порту,

Проекторах с серебряным отливом,

Скрепленные, скользящие торопливо,

И все река лучилась на свету.

Мы хыкали, затягивали мы. Вздохи,
Как будто бы подернуты словою,
Три огонька вспыхнули над водой,
Подобно звездам, в руках я руки.

По мере приближения Нежданно,

Легчайшей зыбы оставляя след,

Как стужа невесомого тумана,

Возник продолговатый силуэт...

Водузы, трепещи от нетерпенья,
Мы вслушивались в то, как, вдалеке

Знакомое торжественное пение

Звучит на незнакомом языке.

То были наши шаги, подскакивали громко

Бы звонко. И он звучал, сувор.

А падуны очертания кромка

Уже входила (называли с'емку)

В никловую пыльцу проекторов.

Женщины слушали, задумавшись. Ветер ворвался в окно, уронил на пол зеркальце, и оно заземлило. И адрит заплакала старая Фарида:

— Кто живет в моей проклятой старой жилище? Почемучка, кто Айше, видеть людей, города видеть?.. Тяжело мне!

Айше обняла старуху за плечи и стала утешать как маленькую. Сказала, что в Батуми повесят, и кино летчиков покажет. Фарида постепенно успокаивалась, а Айше обняла женщинам, что с завтрашнего дня все могут заниматься, чтобы к маю — ко Дню села — сборы чай и индейской птицы получились не худшими.

К вечеру приехала Ацибаба, секретарь комсомольского коллектива школы, где училась Айше. Она быстро-быстро, захлебываясь, рассказывала все школьные новости, показывала по учебникам, что прошли за время болезни Айше.

Больше всего Айше любила естествознание. Склонившись над учебником зоологии, она рассматривала толстую прозрачную медузу, зевнувшую из окошка, что учительницы по естествознанию пока нет. Вершина извлекла из отпуска ушла. Рождество будет.

Айше азартно оживилась.

— Знаешь, — сказала она, — давай ее рецензию приданое сошьем. Пеленки, расшитки, чепчики... Ей приятно будет.

Ацибаба уехала, обещая передать всем девушким о приданом.

Потом, в первом когда Айше собиралась спать, к ней прислали маленький Гоги и присес чай. Айше разбрала конверт и стала читать:

«Портог Айше! Я прочел в газетах вашу биографию и обрадовался. Как много может сделать женщина в нашей стране, если заходит. Я жалею, что над вами издавалась за вашу «емжскую» работу, и осталась до конца не вас заборотить. Вы — звезда Верховного Совета! Это самая почетная у нас должность. Я бы очень хотел что-нибудь сделать для вас. В газете написано, что вы учитесь в средней школе. Я тоже кончил тамскую. Если у вас будут какие-нибудь трудные вопросы в школе, напишите мне. Я все разясню. Адрес мой: Бурят-Монгольская республика, почтовый ящик 47, красноярскому Ивану Монсенкову.

Айше положила письмо в конверт и спрятала под подушку. Стала смотреть рассмотреть. Она взяла за калитку.

На горе, за домом Саниканди, на зеленом вечернем небе темнели звезды кипарисов. У соседа пролазила собака, в доме с красной черепичной крышей зажгли огни, далеко-далеко внизу равномерно стучала по камням речка. Айше смотрела на Королис-Тави и улыбалась...

От счастья то рыда, то смеха,
Она в толпу глазенками вплыла,
И мы ее запомнили — такую!

То была навек запечатленный образ,
Такой горячий, яркий, яркий.
Что он вспомнил в сознание, как проблеск
Полиного синева над Невой?
Что всматривались мы, у склонов стоя,
В ее черты, в ее поэтический порт
И видели лицо твою простое,
В страдания не гниущий народ!

Испания! Далекие подруги,
Неподражаемые родины мои,
Родятся мысленно в тебе!
Твой победа, но через — за нея!
Она живет, и не в пустынных фразах:
Она в тебе, ты выносишь ее.
А мы усыновляем черноглазых
Твоих детей — грядущих твоих!
И в эту полночь на Балтийском взморье
Ты стала нам дороже во стократ,
Окреявшая в пожарных и в горе,
В сражениях растинившая соглат.

А пароход, лучом раскалот на две
Неравных части, плыл из полунымы,
И был подобен мозаичной киянке
Порты, в которых породнились мы.

Я. ХЕЛЕМСКИЙ

Письмо другу

«Ты, конечно, очень удивишься, Соня, получив мое письмо. Ты скажешь: «Что такое, почти два года не писали ни строчки и вдруг разразились целым посланием?» Я пишу тебе впервые, испытывая острую необходимость, сказать своим мыслям, своим тревогам с умом хорошим выражением, которому я и другие наши двинутые обязаны очень много.

Ты помнишь, Соня, мы ведь пришли в цех из ФЗУ совсем неопытными ребятами 15—16-летними девочками, и ты с первых же дней принял живое участие в нашей судьбе, интересовалась нашим бытием, как в младенстве. С гордостью блестящим видом в беседе с тобой, такие простые, заупешенные и всегда очень нужные.

Ты уезжала, оставляя нас уже сформировавшимися людьми, квалифицированными работниками, стахановцами, которых хорошо знали в цехе, а некоторые были уже известны и на всем заводе. Мы окончили курсы подготовки, сделаны на «отлично» господствующими баллами, считались своими ростом, сысками успехами. Вместе с нами родилась и гордилась...

И вот прошло около двух лет. Я попрощалась со стахановкой. Но сегодня эти успехи меня уже не удовлетворяют. Больше того, я не уверена, что, скажем, через месяц, через два, я могу быть, несмотря на все, и смогу работать так же хорошо. Партия и комсомол чуют нас жить не только сегодняшним днем, а умеют заглядывать в будущее, думать о перспективах...

А наше будущее — это уже вполне реальное вопрос, последователь, и его нетрудно себе представить. Вместе со всей страной вырастет наш завод, уложится и поднимется наше производство, из нас потребуются знания этой новой техники, потребуется высокая политическая грамотность, потребуется общая культура...

А я неготова к таким требованиям. Только я? Нет, это было бы, может быть, только мои частным делом. Мне кажется, Соня, что отстает не я одна.

Сейчас, как ты можешь прыгать экскурсиями — студенты университета, комсомольская группа из трех парней и двух девушек. Сначала они задавали общие вопросы: на сколько процентов выполняю норму, каков мой зарубеж, с кем соревнуюсь? Одни из экскурсантов спросили меня, читала ли я... Казалась, что недавно прочитала «Как закалялась сталь».

— Очень хорошо, — говорит парень, — а еще?

Я стала вспоминать.

— Чего еще, автора не помнишь...

— И все? — удивились экскурсанты. — Это ведь страшно мало, товариши.

— Мало... — призналась я, — знаете, времени не хватает...

— А в театрах бываете? — продолжали они меня спрашивать. — В театрах, в музеях, на концертах? Газеты читаете регулярно?

— Изредка хожу в музыкальный комедилю, чаще в кино. Газеты просматриваю (мини становился не по себе, и я решила закончить разговор с любознательными экскурсантами). Извините, товарищи, вы мне мешаете работать...

В тот же день, возвращаясь домой, я встретилась на прямой линии с Ольгой. Я ей рассказала про студентов. Рассказала, немного прошептавши, поблагодарила.

— Давно уже хотелось поделиться с тобой, — говорила Ольга, — наконец-то очень много, все никак не решалась высказать.

Это письмо написано комсомольской стахановкой одного из харьковских заводов. Автор для свое согласие на опубликование письма при условии изменения встречающихся в нем имен, что было ему вполне согласно.

Комсомол. Клава делится своими мыслями по вопросам, связанным с подъемом культурного и политического уровня молодых работниц. Выражая мысли многих девушек, товарища Клава предъявляет справедливые требования к комсомольской организации.

Тема затрагивается комсомолом. Клава имеет значение не только для девушек. Проблема дальнейшего роста, овладения новыми высотами культуры, науки, техники глубоко волнует и затрагивает всю нашу молодежь.

Мы ждем от читателей откликов, высказываний, предложений.

Я, видимо, скоро распишусь с Васей, он очевидно любит меня. Но знаешь, Клава? Одного дня без вас не выдержу, может, мне только кажется, что порой ему бывает со мной скучно. Он ведь воинский человек, я его ни о чем не спрашиваю. О своей работе говорить тоже надоедает. Он бы с удовольствием побеседовал с Ватей о книгах, о музыке, но политические темы. Он много читает, хорошо разбирается в международных событиях и в чем хочется. Но мне же стыдно вечно спрашивать: «Что он весь вечер только и говорил об избранции, а я лишь слушала, да молчала...»

Да, Соня, я забыла тебе с самого начала сообщить новости: у меня ведь теперь сын Витя! Ему уже одиннадцать месяцев, уже ходит по кроваткам! Ребенок у меня много внимания отнимает... Вот и я говорю Ольге...

У меня есть ребенок, а тебе что же не хочется заниматься, читать?

Ольга ответила не сразу:

— Видишь ли, никто мне не мешает, но никто и не подталкивает. Мы с тобой обе комсомолки и знаем, как у нас часто проходят культурно-воспитательные работы. Вот появляется книга. Озорной юноша заглядывает в статью, что только о ней и говорят. Замечательная книга — слов нет, но есть же, кроме Николая Островского, еще писатели. А наш заводской комитет комсомола даже не заглянет в библиотеку. Иногда обивают кульптуюю в театр. Ну вот однажды в театре кто-то говорит: «Надо размотреть спектакль в драматическом театре...» — все это случилось, а порядок кампаний, когда требуется поднять, оживить массовую работу...

Я с ней согласилась. Не побояла меня так, что я против культурных. Но ведь у нас даже не спрашивают, хотим ли мы смотреть эти спектакли или нет! Для организаторов культуры это не значит, что чтобы побольше народа пошло в театр. Меня всегда это указывало возмущать. Я однажды раз выдернула и сказала комсомолу:

— Опять в драматический театр? Что же ты не понимаешься наше мнение? А я вот не хочу смотреть драмы, мне хочется сходить на балет.

— А про спектакль потому нечего читать, — Балет, говорит, — малобюджетное искусство, то индивидуальность, вечию у тебя какие-то свои, особые желания, отрываясь от масс, не любишь проводить время с кол-лективом».

Я думаю, Соня, что у нашего комсомола, хотя он вообще-то парень неудущий, неверное представление и об искусстве и о коллективах. Вся беда в том, что и он, являясь активистом, недостаточно сам растет в культурном отношении. Пора уже понять, что необходимо считаться с индивидуальными потребностями молодежи и помогать им участвовать в жизни. С одной меркой ко всем подходить нельзя.

Мы прошли с Ольгой всю дорогу комсомольскую организацию: школы спортивные, признавала и свою вину в отсталости. Во всяком случае, Соня, мне кажется, что, разбирая причины нашего отставания в области культуры, надо говорить о конкретных группах людей, вникнуть в эти причины поближе.

Вот я, скажем, действительно отстаю и не расту главным образом из-за ребенка. Николай сейчас на последнем курсе института, занимается и день и ночь, ему не до сина да и не до меня. Доверяя Витку целиком матери я не могу. Вот и бессилен, склоняется после работы домой. Такие же тревоги беспокоят и переживает бывающее болезненное состояние.

Чем нам помогает комсомол? В лучшем случае из комитета позвонят в ясли, посещают, похлопают, чтобы устроить ребенка. Но на занятиях политехники я все равно не могу ходить регулярно. И вот на нас машины рукой: «Что с ними поделаешь, если семья есть». Словно мы обреченные.

Но это же хочется подрастать, как лучше и удобнее организовать учебу для комсомольцев. Ведь прекрасно же проходила политическая агитация и пропаганда в избирательную кампанию на квартирах! С успехом этот опыт можно использовать и в комсомольской работе.

Наши комитеты, конечно, насторожены в нас отношении кадров. Есть такой-то недостаточный список напугов: агитатор, собирающих членских взносов, уполномоченный по подполье газет, работники МОПР. А если я физически не могу выполнить эти нагрузки, то, значит, я уж больше ни на что и не пригодна?

В комсомоле у нас часто наблюдалась самодовольная, самодовлеющая работа. В нашем цехе все стахановцы, мы же, через месяц перевыполнили план. Комсомольская организация спокойна, считает, что все в порядке. Когда-то кто-то где-то занимался, кой-чему научился — ни хороши, А о дальнейшем росте стахановцев, о владении новыми высотами техники и культуры не думают.

Наш комитет ни разу не собрался не только комсомолок-матерей, но даже девушки-стахановки вообще. А надо бы! Руководители организаций, много рассказывали о культуре вообще, о девушках вообще, о росте вообще, услышали бы горькую правду, узнали бы конкретные наши нужды, нарушения...

Я тебе не жалуюсь. Просто делясь своим мышлением, своей тревогой. Ты считаешь руководящей партийной работе, я тебе большой жизненный опыт, теоретические знания, ты хорошо умеешь выслушивать и понимать людей. Поэтому решила изложить свои думы именно тебе...

Извини за слишком длинное и наверное, путаное письмо. Написала, как сумела, как чувствовала.

Крепко обнимаем и целую. Николай и Витяка горячо тебя приветствуют. Пиши, когда найдешь время.

Клава.

ПОСОБНИКИ ВРАГА

Очередное занятие студентов пятого курса 2-го ленинградского медицинского института проходило в психиатрической больнице. Студенты должны были познакомиться с историей болезни одного буйного-помешанного. Санитары привели больного, который прямо от дверей пошел на студентов, хлопая руками, как крыльями, с криком:

— Заклюю!

— Не золите, — сказал профессор больному. — Мы сегодня у вас в гостях. Больной засмеялся, крикнул петухом и затем, уставившись на одну студентку, сказал:

— Я вас знаю, Эмма!

Студентка, к которой относилась эта фраза, покраснела и отошла в сторону. Ее действительно звали Эммой, и неожиданное заявление больного вызвало у студенток в первый раз естественно, смущение ее.

Но так большой не настаивал больше на своем заявлении, а уже опять подражал петуху, то ли профессор, ни студенты не придали его фразе никакого значения. Профессор продолжал свою обязанность: студенты вели свои записи, и только в сердце комсорга пятого курса Широкобокова вкрадла червь сомнения.

Это беспокоило учителя, когда Широкобоков ушел, что больной Таневич принарядил раннее нето к торговому, нето к двоярному соблазну.

— Да, — решил Широкобоков, — здесь что-то та...

Чтобы не терять времени, он тут же отправился в Институт и принял участие в изучать яркоточечную карточку комсомолки Эммы. Но карточка была в полном порядке.

— Значит, Эмма это скрывает, — решил комсорг, — надо выяснить у нее, по всей вероятности, дело нечисто.

На следующий день комсомолка Эмма была вызвана для допроса.

— Кем приходится вам гражданин Таневич? — задал вопрос Широкобоков.

— Он клинический больной, — не смущаясь, ответила Эмма.

— По родственной линии?

— Никем.

— Мы имеем заявление, что вы находились в близком знакомстве с этим человеком.

— От кого это заявление? — полюбопытствовала Эмма.

— От самого Таневича.

— Так ведь он же сумасшедший!

— Это все равно, — ответил Широкобоков. — Кто бы нам ни подал заявление, мы обязаны его расследовать. Поэтому честно и прямо сознавайтесь во всем...

— Я не знаю за собой никаких проступков.

— Смотрите, будет хуже, если мы распутаем это дело без вашей помощи.

— Что ж, попробуйте, — сказала Эмма и ушла.

Может быть, комсорг и сам уже чувствовал это абсурдное предъявление им каким-то склонением к работе. Но вдруг Таневич был большим троеком и страшно опасался одногодка в другом реальному сумасшедшему Таневичу на слышали другие студенты и его, комсорг, обвинил в недостаточной выразительности.

Путь комсомолки Эмма будет полностью реабилитирована. Пусть все его подозрения окажутся необоснованными пустыми. Пусть, напакоц, кто-йад ним и посмеется. Зато он проявит наделенность и настороженность, внимания к сигналу (хотя бы и к сигналу сумасшедшего).

Надо показать себя! Представилася такой удобный случай...

Он начал следствие.

Он начал к себе студентам, задавая им различные вопросы. Но ребята, точно сговорившись, отвечали одно и то же:

— Как же, знаем ее! Девушка хорошая, активная, побольше бы таких!

Следствие не двигалось с места. Тогда комсоргу пришла в голову блестящая идея: он решил отправиться в психиатрическую больницу и снять показание с самого Таневича. Раз уж он сделал заявление, так он обязан дату и подробные материалы к нему.

У входа в буйное отделение Широкобоков встретил дежурного врача.

— Мне нужно видеть больного Таневича, — сказал Широкобоков.

Приходите завтрашнего дня, сегодня, к сожалению, непримечательный день.

— У меня серьезное дело. Я должен получить у него показания.

Дежурный врач удивленно оглядел комсорга:

— Какие, собственно, показания вам нужны от сумасшедшего?

— Этот сумасшедший напекнул на свои связи с одной нашей комсомолкой, и я должен распутать это дело.

— А сколько лет вашей комсомолке? — занялся врач.

— Двадцать пять.

— Ну, так идите спокойно домой. Ваша комсомолка ходила еще под стол пешком, когда Таневич был уже у нас в больнице.

— Тогда, значит, он знал ее родителей! — возбужденно сказал Широкобоков. — Пуските меня к Таневичу, и мы ее моментально разоблачим!

Дежурный врач, не глядя на осторожного комсорга и выслушав, но решительно выслушав его на улицу. Широкобокова это, однако, никакого не обескуражило, и он побежал в Институт снимать новый допрос с Эммой.

— Так, кто были ваши родители? — монотонно спросил он.

— Трудящиеся.

— А где они сейчас?

— Умерли.

— Ложь, — сказал комсорг. — У меня точные сведения, что они были эксплуататорами.

Эмма вместо объяснений представила пинкнюю книжку.

— Не верю, привнесите спрашку из загса. Эмма привнесла такую спрашку. Как будто можно было считать вопрос исчерпанным. Ни Широкобоков не успокоился.

Дежурный, в первый день, он явился в психиатрическую больницу и получил сандвич с Таневичем.

Кукареку! — приветствовал буйный больной неутомимого комсорга.

— Вы это оставьте, — посоветовал Широкобоков больному. — Расскажите лучше, откуда вы знаете Эмму и где ее родители?

— Кукареку, — хлопая руками, точно крыльями, кричал больной. — Вам сырье зное ледо, — умоляюще сказал одержимый Широкобоков. — Один член ВЛКСМ из моей организации что-то скрывает, и нам надо вывести ее на чистую воду.

— Заклюю! — крикнул Таневич и бросился на комсорга. Тут прибежали санитары и связали буйного...

Зарвавшийся молодой чиновник хотел исключить комсомолку Эмму из организации. Однако комсомолки воспротивились это-

Рисунки Ю. Чижевского

Вот они, пособники врага. КАРЬЕРИСТ, сделавший клевету, шельмование честных людей своей профессией.

ЧИНОВНИК, легко и бездумно штампующий решения об исключении из комсомола.

му. Но комсогр остался верным себе и, когда ему попросили дать ей характеристику для вступления в партию, ответил ей грумом отказом.

Итак, сам Широкобоков помог нам нарисовать образ честного первого секретаря комсомола. Такой комсогр, как Широкобоков, пользуясь какими-нибудь слухами, может исключить из организации не одного, а пять, десять честных комсомольцев.

Не удалось Широкобокову исключить Эмму, так он схратился себя новым приемом:

— Но вы же?

— Да так, — решает Широкобоков, — на всякий случай.

Перестраховщикам чудаки большевистская принципиальность и большевистская чуткость к живым людям.

Куйбышевским горкомом комсомола не занималась, вынес решение об исключении инженера Банной из комсомола, потому что связь с Америкой. А нужно было лишь немножко разобраться, чтобы выяснить, что дядя Плафа уехал в Америку в 1909 году — за пятнадцать лет до рождения своего племянника.

Газета «Магнитогорский рабочий» сообщает о таком факте:

«Когда магнитогорского-днепровского завода Банная долгое время не внесла квартиры. Наконец, квартиру ей дали. Но вследствие назначения некоего председателя квартиру Банной, оказавшуюся врагом народа. Для руководителей комсомольской организации этого было достаточно, чтобы обвинить Банную в связи с врагами народа.

Было исключено из комсомола.

Но Банной это не понравилось. Комсомольские руководители приились расследовать, кем дружила Банная. Ее подругой оказалась комсомолка Терентьевая. И тут же занеслось новое решение — об исключении из комсомола Терентьевой за... связь с Банной.

На Громковском автомобильном заводе японцы Молоткин и Соскин были привезены в портдыни инженерами комсомольцев — инженерно-техническими работниками.

Вместо того чтобы превозле это дело самым нормальным путем, заведующий отделом кадров тов. Соскин предложил своему заместителю Кулакову создать тройку под руководством Григория Васильевича Кокорина.

— А кто такой Кокорин?

— Это один бойкий малый, — ответил Соскин.

И вот анекдотическая тройка в составе «одного бойкого малого» (остальных Соскин так и не подобрал) приступила к работе.

Григорий Васильевич Кокорин разместился в большой изолированной комнате и начал разговоры с комсомольцами в таковой форме:

— Фамилия?

— Банко.

— Год рождения?

— 1908.

— Специальность?

— Инженер...

— Ах, инженер... тогда отвечьте, какой министерский пост вы занимали при Временном правительстве?

— Никакой.

— Ну...

— По той простой причине, — ответила Банко, — что даже при Временном правительстве детям девяностого возраста не давали министерских портфелей.

Кокорин метнул на молодого инженера недоверчивый взгляд и продолжал:

— А в каком чине вы служили в белой армии?

— Ни в каком.

— Почему? — сказала осведомленная Кокорин.

— Потому что десятилетних ребят также то производили в офицеры, как девяностых в министры.

— Не отпиряйтесь, — мрачно посоветовал Кокорин. — Если вы не успели стать офицером, то, по всей вероятности, были связаны с трибуной Юденчика.

— О, меня не проведешь, — ответил Кокорин, — я знаю, вы любите носить погоны!

— Представьтесь, нет.

— Почему?

— Так, по складу своего характера.

Григорий Васильевич Кокорин нервно прошелся по комнате. Ему явно не везло.

— А в армии Франко мы бы хотели служить...

— Что? — не поняла Банко.

Пока Кокорин залавывал только идиотские вопросы, комсомолец Банко еще терпела. Но провокационный вопрос попросту возмутил молодого инженера.

— Мой отец — рабочий, — сказал он, — а я советский специалист, и этот разговор оскорблением меня.

Кардинал Кокорин задавал провокационные вопросы, а заведующий отделом кадров Соскин сидел в соседней комнате и потирая от восторга руки.

— Ну и загибает, бестия! — кричал он своему заместителю Кулакову. — Прямо Шерлок Холмс какой-то!

А бестия гиул и гиул дальше. Гнусной провокацией «бойкий малый» стремился

упрочить за собой славу блестящего человека и опорочить честных советских специалистов, членов Ленинского коммунистического союза молодежи.

Но новоявленному Шерлоку Холмсу не повезло: комсомольцы быстро разоблачили гнусного карьериста и призвали его к строгому ответу.

Перестраховщики, карьеристы и клеветники, спекулируя на «действительности», творят вредящее, антипартийное дело.

Партия и ее стalinский Центральный комитет всегда учили и учат, что революционная блестительность ничего общего не имеет с белыми и огненными поджогом Бандитов — блестительных — значит уметь отличать друга от врага и врага от друга. Клевета на честных людей — одна из форм вредительства.

Решения январского Пленума ЦК ВКП(б) вскрыли новую гнусную тактику врагов, которые клеветой и провокацией стремились перебить большевистские кадры и посеять в наших рядах неуверенность и излишнюю подозрительность.

Замаскированным врагам в их провокационной работе помогали карьеристы — перестраховщики. Многие комсомольские «рганы», или на поводу у таких крикунов и карьеристов, огузом искалечили из комсомола тех в член неподходящих молодых людей. Их изгоняли из январского Пленума ЦК ВКП(б), Центральный комитет комсомола вскрыл серийные ошибки в комсомольских организациях.

«Пора понять, — говорится в постановлении В пленума ЦК ВЛКСМ, — что необоснованные исключения из комсомола, бездумное отношение к людям, членам ВЛКСМ, выдвигают врагам народа, так как такие антибольшевистские действия сеют излишнюю подозрительность в рядах ВЛКСМ, создают опасность обездоливания и превращения исключенных из ВЛКСМ, а троцкистско-буржуазные агенты фашизма нередко подсп毁ают таких недовольных и озлобленных товарищей и тащат их за собой во вражеское болото».

Задача всех комсомольских организаций состоит в том, чтобы провести в жизнь решения В пленума ЦК ВЛКСМ, наметившие конкретные мероприятия для быстрейшего ликвидации допущенных ошибок.

Центральный комитет ВЛКСМ учил нас еще сильнее и смелее разоблачать врагов народа, но врагов действительных, а не минимых.

ПЕРЕСТРАХОВЩИК, действующий по принципу «как бы чего не вышло».

ГОРЯ-РУКОВОДИТЕЛЬ, не умеющий разобраться, кто враг, а кто друг.

Доктор Майер.

Два величайших обобщения лежат в основе современной научной картины мира: законы сохранения материи и энергии.

Вы замечаете газы — кислород и водород. Электрическая искра, феномена — и вместо невидимых газов в сосуде у места — вода. Она весит в точности столько же, сколько весили ее летучие родители.

На химических заводах, где вещества, старавшись и вскипая, порождают новые; в нашем теле, каждая клетка которого подобна небольшой лаборатории, во всем круговороте веществ на нашей планете — и еще шире — во вселенной, — никогда и ничего не теряется. И никакие силы в мире не смогли бы ни уничтожить, ни создать ни одной крохицы вещества, постепенно претерпевающего тысячесчленное преображение.

Таков закон сохранения материи.

Вы заводите часы, обыкновенные ходики, подогревая гирю. Теперь она начинает медленно опускаться, часы затикают. Вы сообщали часам энергию, поднимая гирю, выше «успеха» не исчезло, но развелось бесследно — вот оно работает в часах. И когда гиря, поднятая вами, опустится на прежнее место, энергия вновь вспыхнет: время замедлит свою. Вы знаете, что часы — Вам нужно быстро покрутить ее о коробок, чтобы она испынула. И опять это выше «успеха» (когда вы чиркали спичкой), превратившись в тепло от трения, зажгло спичку.

Никто не может создать энергию там, где ее не существовало. В механическую силу нашей руки превращается химическая энергия миллиардов клеточек нашего тела. И никакая энергия не разрывается бесследно — переходя в другую, выполняет работу и поступает в общий круговорот веществ в мире.

Так говорит закон сохранения энергии.

В сущности, оба закона (сохранения материи и энергии) говорят об одном: о невозможности чуда.

Ни вещества, ни движение его не возникают из ничего и не могут быть образованы из ничего. Мир несотворим и неизнаняем. Он материален. Бессмысленно говорить о его начале или конце. И движущаяся материя, составляющая мир, вечна в вечной смене своих форм.

Дважды закон сохранения материи и энергии окончательно изгнал из науки темнобицкий «создатель».

Не один великий физик прошлого века Фридрих изобретал закон сохранения энергии «высшим из всех доступных человеческому понимания».

Открытие этого закона — один из наиболее поучительных эпизодов истории науки.

В 1840 году голландский торговый крабильщик из острова Яву судового врача Юлиуса Роберта Майера. Он меньше всего походил на ученого, этого двадцатипятилетнего сына гейлбронского аптекаря, близорукий, с бородкой английского боярина, с глазами уставшими от быстрой работы в переполненных ящиках. Его глаза были почти астматы. Другие, превозносявшие его, острели, что он везет в них под небо тропиков воспоминания о бурных спорах

в хмурых залах Тюбингенского университета, и как в кабинете Монартесса.

Впрочем, тогда было о чем поспорить. Естествознание и логика замечательная техника спрашивали и трамбулизы своей юности.

Каждый день приносил торжество точного знания, веса, меры, счета. Прошло время быстрых и туманных общих рассуждений, когда профессор-натуралисти, подавшийся на кафедру, в два часа объяснял все мироздание — от клопов до млечных путей, разыскивая «божественные прообразы» и глубокомысленно проникая в природу в виде «умственного взором» по образцу индийских ногов, созерцающих собственный дыхательный поток.

Паровая машина перекинула мост от химии к механике. И в качестве итога вылилась сотня ученых становившая все иное, что единица, поддающаяся расчету, всеобщая закономерность проникает и связывает все явления природы.

«Сила влечет effectum» («причины равна действию») говорили по-латыни молодые дипломанты университетов и повторяли мудрость античных философов, которая в итоге не превратилась в ничто.

Это звучало как боевой клич. Это был звук научной реакции, таинящей науку наизнанку. Явление жизни, провозглашали доцированные реакционеры науки, — вотажденное чудо! Из ничего — ничего? Причина равна действию? Нет! — учили вытаисты, превращаясь в дракея, как в спасительном сне, в спасение — в спасение в борьбе. Нет! Организмы — вот область, где таинственность природы в ее ясней, где царствует неизомный «дух», сперхматериализм «силы жизни». Из ничего творят жизнь и в ничто обращаются после смерти.

Доктору Майеру эти люди с их неподвижными взорами казались живыми выходцами из средневековья. Иные из них уверяли, что даже тело, состоящее из множества клеток, создано неизвестным из воздуха. Потом обличали в этом якобы аристотелизм, Монартесса, крься. Но вскоре хлынула не темная, но яркая струя. Майер сошлогуши: неужели он аксыры артерии? Но его сподвижники: у всех вновь прибывающих в тропики венозная яркокрасная, язвянские врачи это отлично знают: они видели это тысячу раз.

«Едины тысячу раз...» Гений начавшейся революции перебрасывал ее в уединения переборщивших. Если венозная кровь на Яве оказывается светлой, почти такой же, как артериальная, богатая кислородом, то не значит ли это, что организм под тропиками меньше потребляет кислорода? Не следует ли отсюда (ведь «причины равна действию»), что здесь процесс дыхания идет не так интенсивно, медленнее «сторожат» вещества в тканях? И не потому ли, что на тропической Яве много тепла, организму нужно меньше вырабатывать свое-го?

Оставалось делать выводы. Теплота в организме не возникает из ничего. Она получается из химического процесса окисления

вещества тела при дыхании, который, как в толпе она обозначается при горении дров или угля. никто не теплит пель в мягкую погоду так же жарко, как в жесткий мороз. И на Яве организм меньше подbrasывает «топлив» в свою «стопки». Но откуда же берется теплота во всех этих горящих веществах, в дровах и угле? Нет, она не творится из ничего, иначе не было бы различия между солнечным светом. «Сама подвижная сила», как выражается Майер, — свет — приводится в вспышке растения она может перейти в тепло животного; затем превращается в силу тепла, и, наконец, в организме, как и в паровой машине, части тела превращаются в механическую работу.

Всякое превращение и только превращение по лигде превращение вновь или уничтожения.

Таким же поразительным по простоте расуждениям, которые привели Майера от пустыни с виду пюорда («чуть-чуть светлее, чем надо, кровь, выпущенная циркульничьей бритвой») к одному из величайших открытий во всей истории естествознания.

Великое открытие никогда не рождается на посту мертвого. И было ли оно вправе в науку? Не было подготовлено для него никаких законов сохранения энергии. Развитие техники, развитие производительных сил, новые изобретения, философская мысль — все поддело человечество вложено к нему. За двести лет до Майера философ Декарт утверждал уже, что движение неразрывно.

В XVIII веке рыбачий сын Ломоносов доказывал, стучя по столу крепким кулаком, что «степлерод» — это не механическая самодиректурбужская «де-синс академии» — что никакого «степлерода», или «степлорода», не может быть, а тепло рождается механическим движением. Впрочем, что знал о генетических прорезнях Ломоносова «эмбриона науки»?

Граф Румфорд за полвека до Майера удивлялся, наблюдал, как сильно разогревается при работе паровой машины Монартесса. И он уже решался сделать вывод, что тепло — это совсем не какая-то невесомая жидкость «степлород», как думали тогда, а тепло — движение, порождаемое другим механическим движением — сверлением. Великий Фридрих, сын кузнеца, в 1840 году подошел в своих исследованиях об электричестве совсем близко (может быть, даже слишком) к закону сохранения энергии. Не существует творения, заявил Фридрих, и химическую силу можно превратить в электрический ток, а ток — в тепло и магнетизм.

И тем не менее оставалась какая-то грань, которой не перешел и великий Фридрих. Была смутная догадка, но не было закона.

«Степлерод» благополучно пережил маму-природу Румфорда. Судьба Майера лучше ее знает: не зря в развитии науки не простое победное шествие вперед, но арена жесточайшей борьбы, каэссовой борьбы, учит понимать зигзагообразный ход человеческой мысли в прошлом.

Доктор Майер был гением. Он был гением потому, что первым сформулиро-

Этот величайший закон науки не «вобщен», но в точных числовых выражениях, и также потому, что он глубже и шире других своих учеников современников понял значение этого закона и сделал из него мощное орудие подчинения природы человеку.

Доктор Майер не был щековыми учеными и вообще не был физиком. И как раз физики встретили его как великчайшего физического открытие Майера.

В науку нередко бывало так, что великое открытие, не имеющееся в рамках узкочеховых интересов, делает тот, что свободен от груза щековых традиций. Вот почему можно было бы многое наложить о роли гениальных самочек в развитии науки, если бы эти гениальности, поворотными открытиями.

Закон сохранения энергии был открыт там, где сильнее всего цвела классовая борьба в науке: не в физике, а в физиологии, на «столе» разногласий между идеализмом и материализмом, между научным объяснением жизненных процессов и витализмом.

И Майер оказался не по зубам тогдашней науки. Он открыл больше и указал пути дальше, чем это, в конце концов, было освоено наукой его времени.

* * *

Майер работал, по существу, только четыре года — с 1841 по 1845. За это время продуктивность его гениального мозга была изумительной. «Сущий принцип» он распространял на все явления природы. Он не ограничивался общей теорией, он занимался взаимными превращениями тепла и механической работы, не да точное название: «вычислитель механический эквивалент тепла, наилучшего, чтоила падение груза с высоты 365 метров, соответствует количеству тепла, нагревающего равный вес воды на один градус. Поправка Майера не превышала 1 метров. Если превратить в тепло землю, затраченную грузом весом в 1 килограмм, падающим с такой высоты, она нагреет на 1 градус литер воды; это значит, что энергия падения груза данного веса с данной высоты соответствует одной большой калории.

Майер не остановился на применении падающих гирь и нагревающейся воде: он исследовал переходы одной формы движущейся материи в другую, включая и это чисто многообразной вселенной. Но его анализ не обесцвечивал мира. Мир не превращался у него в механическую модель, как на грифельных досках в аудиториях университета.

Движение! Доктор Майер, вернувшись с солнечной Ямы, знал сверкающий смысл этого слова. Механическая работа переходила в тепло. Но это не значит, что тепло — только механическое движение и больше ничего? Термодинамики рождают электрический ток, но ток — уже не тепло. Как бы физики мира ни сводили свет к колебаниям или мчащимися корпускулям-частичкам, они не отнимут у него его смысла. Жизнь — жизнь человека, животного, растения — пусть химик до конца разложит ее на составные части в своих ретортах — все-таки останется жизнью, а не только реакций в реторте...

Но не означает ли это, что працы витализма? Нет, Майер никогда не мог выносить этих трусливых и жалких служителей «жизненной силы». Нет, ни в малой мере!

Это просто значит, что только в глазах высоких «хеяматиров»¹ из Берлинского университета научное обяснение убывает мир, старает его краски, «старомони» заменяет «алегории». Какое безраздействие пуга-

ло сделали они из науки! Разве обяснять мир — это значит превратить его в труп, лишить всех его качеств?

Великий мир у Майера оставался многогранным, но качества его материализовались, они стали обьектами, ибо сделались ясны закон их превращений, превращений единой в вечной материи. «Теплодор», «электрическая» и «магнитная жидкость» — все это открыто. Теперь это было прояснено, этот закон, этот «закон материальности», воскликнул Майер.

И вот Майер предпринимает гигантский труд: он начинает пересмотр всех отдалов «мировой физики» с точки зрения своего закона; он доказывает, что закон сохранения и превращения энергии подтверждается во всех явлениях тяготения, движении планет, в тепловых, звуковых, оптических, тепловом, и световом излучении, в силах.

В 1841 году он выкладывает такие догадки о свете, которые только в XX веке сделались понятиями науки. Он считал, что к свете применимы законы физики о движущейся материи и действия света подобны действиям этой движущейся материи.

И в самом деле, всего несколько десятилетий тому назад было открыто русским физиком Дебаевым дифракция лучей света. Наконец, Майер предпринимает решительный штурм твердой антиламизма, вероучения «жизненной силы».

Он берется за новое колоссальное дело: обоснование всех жизненных явлений с помощью закона сохранения и превращения энергии. Он не желает оставить ни одного угла, где бы могли притянуться «жизненная сила». В работах современных физиологов мы еще находим залихи и темы, форсированые Майером 95 лет назад.

Рис. Д. Павловова

Юлиан-Роберт Майер.

С дерзновенной смелостью гения он проникает в «сияяя святых» жизни: в процессы образования живого вещества в зеленом листе, — в те самые процессы, творящие живое из неживого, которым не может до сих пор подражать ни одна химическая лаборатория на земле. И этой «тайне из тайн» он задает вопросы, на которые отвечается ли и здесь закон сохранения энергии? И отвечает: несомненно, должен подтверждаться; и здесь не может быть чуда.

Насколько смел был майеровская поэзия этого писателя, видно из того, что среди ботаников, зоологов, физиков только один К. А. Тимирязев решается повторить лернивский вопрос — он делает также и ответ на него: да, конечно, закон сохранения энергии не только должен подтверждаться и в явлениях физики — он в самом деле подтверждается. Так был высказан еще один скромнейший удачный вывод: «у чуда в науках жизни. Нам важно отметить, что самые первые указания, как наименее этот удар, дал также Роберт Майер.

Этот сын аптекаря, судовой врач, ставший ботаником, физиологом, физиком, астрономом, геологом, удовольствовался ли он своим открытием? Да, но не совсем еще мир под свою формулу?

Нет. Ведь осталась еще одна область — заставить новый закон непосредственно служить человеку. Осталась инженерия. И вот Майер пытается с помощью своего закона открыть также широкую дорогу техническим изобретениям, создать механизмы с высоким коэффициентом полезного действия. В музее хранится сконструированный им прибор для исследования мощности машин...

* * *

Но работы Майера встретили как курьез. Физик Поттендорф не напечатал этого сообщения и потом затерял его. Через год — в 1842 году — краткую статью с трудом удалось пропагандировать в журнале химика Либиха.

Либиха. Следующую работу Либих не принял. Физик и химик, по иронии судьбы, носивший фамилию Прафф (пол., обыватель смехотворных званий: «доктор лекариншик», «тепло пропагандист здоровья»). Либих родил тепло! Знает ли это недюшка, что во всех университетах почтенные профессора, надворные и тайные советники, чуют, что тепло, естественно, порождается жидкостью-термодором? Не воображает ли Майер, что сия земля, на которой он искал от того, что на землю время от времени падают плохо стоящие предметы и земля «тратит силу» на притягивание их? Ничего не стоит опровергнуть эту смехотворную теорию! Стоит только сказать выпуклый столб: «металлы соприкасаются» и вот «конкавная сила» производят вам самую угодно электричество. Где же тут переход одной энергии в другую? Ведь так, по-майеровски, можно дойти и до того, что сам господь Бог исчесперна и перейдет в третий мир и книжки, создавая и подливаясь в кипяток.

Пусть не подумает читатель, что мы слишком утирируем. Именно такова была суть высокочувственных возражений героя профессора Праффа. Именно такова была суть его статьи.

Что должен был делать Майер с этой чрезвычайной попыткой и благогулистой? Что мог он противопоставить нападкам реакционеров от науки?

Возможно, что, читая косноязычную галиматию Праффа, Майер больше всего испытывал потребность расхохотаться: в молодости, пока еще сила сложилась, он был человеком веселым и тонким.

Но вот «Аугсбургская всеобщая газета», профессорский орган, начатала специальное «предупреждение» против его работ. Подпись Зеффер, молодой ученый из числа «чучных», благонравных пай-мальчиков професии кафедры.

И Тюбингенский университет возглавил трапезу.

За профессорской галиматней скрывались

¹ Тайных советников.

грозные силы. Началась жестокая борьба — и стала неизбежной.

Майер сделан изагоем. Самое характерное, что он остался изагоем и тогда, когда закон сохранения энергии пробил себе дыру несмотря ни на Пифагора и Эйзенштейна.

Этот закон вошел в науку через 5 лет после первой работы Майера и не с его именем, а с именем Джаяуля и Гельмольца. Он был признан и превращен в профессором его носителя не сразу, а спустя годы, никаких мифо-баллонных замечаний никакой философии, никаких разговоров о величине. Всё это окончательно оказалось приспособленным к цеховому пониманию буржуазных ученых прошлого столетия.

О бунтаре Майере никто не вспоминает.

В это время он приобрел в качестве практического врача и работал в Гейдельберге. Иной он не мог быть — это делает чисто печатать как собственные скучные статьи, так и говорить профанированного врача.

Травля сделала свое дело. В 1850 году он выбросился из окна второго этажа и стал хромом на всю жизнь. Через два года его почти силой заперли в лечебнице для душевнобольных, из которых истекали моча, дает тогданинья письма, обжигает открытыми макушками. «Механический эквивалент» с изложкой повторяя учений языком. — Навязанная идея, нечто вроде квадратуры круга!»

Майер был сломлен. У него разались религиозные настроения. Он стал мещанином и с мещанской болезнью всего нового открепишился от своего великого революционера в науке. XIX столетие было для него забыто, настолько что биографический словарь заявил об избытке его умерщвия. Кто-то додалась, однако, пригласить Майера на съезд немецких естествоиспытателей в Инсбруке. Ученый мир искренно изумился: «Как? Он еще жив, этот курильщик? Постороним, что он такое собирается сказать!»

Майер прервал речь. Он сильно отгаг, в ее речи не было академического ложка, он не избегал идиоматизма и пропинки излияния. Карл Фогт, тогданин властитель

дум, «бродячий проповедник вульгарного материализма», «тулузийская посредственность», как называл его Энгельс, показал плечами:

— Что вы хотите, это же говорит человек, выпущенный из сумасшедшего дома!

Лишь в конце жизни Майера усилимы знаменитые физики Тиндейл и Клаузевиц его значимость было признана его мере достоинства. В 1878 году, получив медаль Лондонского королевского общества, он умер в 63 с половиной лет от роду.

Он работал фактически только мозгом человека, в возрасте от 27 лет до 31 года.

Тридцать три последующие года своей жизни он был отлучен от научной деятельности.

Это странная из истории буржуазной науки причина думать, ее развили?

Странна из истории науки та страна, которая так кинулась своей культурой, — страны, в которой сини гениальности умов выдвинутых ее народом, или кривились и удивлялись (как было с Гете и Гумбольдтом), или хищнически разбазаривались, уничтожались (как было с Майером) консервативной феодальной интуицией, или же, наоборот, со всей страстью ее служили — она задолго до того, как фашистское аварство расстолило всяку науку и всякую культуру Евгений Диоринг, игравший в мелкобуржуазную оппозицию в науке, написал биографию Майера под заголовком «Роберт Майер — Гильельм XIX столетия». Но Диоринг (оба!) плохо знал, что именно произошло с открытием Майера.

Такое двое людей — основоположники диалектического материализма — в полной мере оценили значение работы Майера и додумали то, что не было додумано им. Замечания Энгельса в «Диалектике природы», что именно открытое Майером в 1842 году превращение формы движения (а не тепла) в движение тепла есть новое в чистом виде и что Майер в 1845 году сообщал гораздо более гениальные вещи об отношении между физическими процессами чем Гельмольц в 1847, — эти замечания и дают истинную оценку делу Майера.

Маленькая патриотка

На обороте обложки этого номера «Смены» помещена фотография ученицы 5-го класса 136-й школы — Эммы Голтонской. Снимок сделан в тот момент, когда Эмма прощается со своим интимом — отцом Рексом.

Рекс попал к Эмме маленьких щенком. Он был покос на волчонка.

Рекс вырос, и все убедились, что это чистокровная немецкая очаровка, у него были замечательный нюх. Но следуя он мог найти любого человека.

Когда цепное подраз, Эмма начала его учитывать. Эмма отдавала команду юношам властным голосом, и юноши ее слушались: их разу же все время учебы Эмма не побила Рекса.

Эмма научила Рекса прыгать, лежать, сидеть, подавать голову по ее приказанию. Эмма решила поддирать своего воспитанника Красной Армии. Это было мудрено и решительно. Она очень любила Рекса, — ей было тяжело расставаться с четвероногим другом. «Но там, на границе, он будет нужен», — решила девочка и написала письмо тон Ехову:

«Говориц Ехов! Я вырастала собаку. Пишу, чтобы ее взяли на границу. Пусть она помогает спанным пограничникам охранять нашу страну от врагов».

Комиссия осмотрела Рекса и написала: «Собака во кличе Реко нормального роста, хорошей конституции, активная и смелая. Годна для службы на границе».

Эмма написала о своей собаке в «Пионерскую правду», и тогда началось самое замечательное. Каждый день Эмма получает много писем. С разных концов Советского Союза ей пишут ребята, кто восхищается ее поступком. Оказывается, что много ребят воспитывают собак и мечтают завладеть своими питомцами пограничниками.

Ребята из Тульской области (поселок Дубино) написали о своей собаке «Рекусе»:

«Это тоже немецкая очаровка. В будущем году мы отдадим свою собаку куда-нибудь на Дальнний Восток или на Камчатку».

Эмма получает письма не только от ребят, но и от взрослых.

Вот отрывок из письма краснофлотца, недавно вернувшегося из Тихоокеанского флота и прочитавшим в «Пионерской правде» о своем поступке юного патриота. Тебе, наверное, также было рассказываться с Рексом: трудно, тошнота, но сознание добра победило... Хотется по-дружески сказать тебе: «Эмма, ты молодец!»

И. РОЗЕНКИН

СТИЛЬ «БОЙЧЕНКО»

В. ВИКТОРОВ

В августовский солнечный день 1937 года над Парижем гремела призывающая канч газетчиков: «Наполеон плавания» выступает в бассейне Турель! Генеральный экаминистский стиль «Бойченко».

В кафе, на первонах метро, в магазинах широкими между сторонниками классического «брасса» и приверженцами «баттер-фэзия».

Семен Бойченко ждал вечера. Чужой город гудел за окном. Чего стояла вся эта сенсационная шумиха, поднятая вокруг его имени? Истинная суть важнейшего в его жизни события оставалась за границами газетной сенсации. Вот он, представитель газетной сенсации, представитель Советской страны, входит в мировую историю плавания, и сегодня вечером это окончательно решится здесь, в Париже.

Когда 9 лет назад Бойченко таскал корзины с помидорами через реку Ингул, стиля «баттерфэзия» еще не существовало.

Родословная «брасса» пестрела именами японских и немецких пловцов. Когда-то, в незапамятные времена, человек, имя которого не сохранилось, подражая движением лягушки, создал стиль «брасса», — это было нечто волшебное в десятилетиях. Плоские пловцы ставили в «брассе» свои кориды. Каждое движение «брасса» было пронумеровано, описано в книгах и правилах международной федерации пловцов.

Это не значит, что «брасс» окончательно и перестала развиваться. На смену старому стилю, основанному на грубой силе и рывках, пришел новый «брасс» — стилю, быстрый по движению и совершающемуся с легкостью. Включая работу не только руки и ног, но и все тело. «Брасс» стал слизьным, тучным, закрученным. Одно движение пловца легко переходит в другое, ни одной заминки, абсолютной синхронизации движений. Японцы достигли удивительных результатов, совершенно избежав разности и толчкообразности старого стиля. Руки, как веера, расходились, ступни сжимались, языки плавали, сплющившиеся ягодки в выталкивались. Движение рук подхватывали ноги... «брасс» стал виртуальным. Но основа стиля плавания оставалась незыблым. Все движения «брасса» по неписанной традиции должны были совершаться в воде. Над водой возвышалась только голова пловца.

В конце 1928 года мировая спортивная пресса отметила одну интересную деталь: немецкий бассейн Родемахер, прошляя дистанцию, не поднимал голову из воды. Так как в привычках Международной лиги пловцов не было прямо указано, что при повторах выбрасывать руки из воды нельзя, Родемахеру этого никто запретить не мог.

Семен Бойченко в это время все еще таскал помидоры через Ингул. Семен отличался удивительной способностью не уметь плавать только с помощью ног, держа в затянутых руках нагруженную корзину. Вот, в сущности, и все, что тогда символизало шенстидиадиатеского хлоща с искусством плавания.

В 1934 году американский пловец Хиггинс запрости Международную лигу пловцов, будь ему заценен рекорд, если он проплынет всю дистанцию или часть ее, сгибаясь в руки над водой, не держа в затянутых руках корзину. Но вскоре представители классического «брасса» долго колебались, но в конце концов ответили Хиггинсу утвердительно. В следующем году американский пловец установил новый мировой рекорд

на 100 метров: 1 минуту 10,8 секунды. Хиггинс плыл половину дистанции, проводя руками махом одновременно поверх воды, после чего он греб вертикально вниз, сквозь воду, как это стало привычным для большинства пловцов. Такое движение планки называлось поле бабочки. Вот почему новая разновидность «брасса» получила название «баттерфляй».

Это было в прямом и переносном смысле этого слова «стиль-выскочка», потому что пловец, навязывавшийся в близкие родственники родоначальнику «брасса», не прежде заслужил себе такого прозвания, как «выскочка» в воздухе, значительно уменьшивший со противление воды и повысивший скорость плавания. В этом был секрет Хиггинса, секрет новой разновидности «брасса».

Самые авторитетные знатоки узаконили «баттерфляй» и разрешили брассистам пользоваться новой разновидностью стиля в любых соревновательных дистанциях.

Но «баттерфляй» имел и другую сторону: вслед за чрезмерным подъемом тела следовало глубокое погружение, и здесь от пловцов требовалась огромная затрата сил для того, чтобы бороться с инерцией, возникающей при погружении тела в воду. Этими стилем нельзя было брать большие дистанции. Проплыть 50 метров, даже создатель «баттерфляя» Хиггинс переходил на обычный «брасс».

Казалось, что «выскочка» требует от пловца таких феноменальных сил, что и 100 метров невозможны при «баттерфляе». В мире пловцов, шая бурные споры, можно ли считать открытие американца «брассом».

Сергей Бойченко к этому времени стал мэтром Черноморской школы. Он считался одним из лучших пловцов Черноморья, но стилем никаких не называл.

Летом 1934 года на борту пловцов в Севастополе главный тренер сбора А. Ваньков обратил внимание на уродливого плавающего краснофлотца. Моряк плыл не то «кролем», не «брассом», и несмотря на это показал результаты, превосходящие Хиггинса. Ваньков пошутил, что человек этот обладает феноменальной силой и, что самое главное, рожденной способностью координировать свои движения в воде. На языке пловцов это называется «чувством воды».

Тренер предложил Бойченко перейти на стилем, то есть краснофлота и смыть об этом не хотят. Для чего? Ведь он и по своему побеждает!

Пришло время Семена Бойченко в порядке «весенней дисциплины» обвязать перейти на «брасс».

На следующее лето слова вертились в Севастополе Ваньков и Бойченко. На одной из тренировок московский пловец Кистяков-

ски показал черноморцам последнюю новинку: стиль «баттерфляй». Бойченко покорился этот быстрый, стремительный стиль, требующий ловкости и силы. Этот стиль пловцов напоминал ему береговые картеры на пополном ходу то вырывавшихся из воды, то скрывающихся в морской涛.

Бойченко захотел испробовать свои силы. Через шесть дней он плыл уже стилем «баттерфляй». И как плыл! Стремительно взлетали над водой его сильные руки и торс, молниеносно от загара. На шестой день он установил абсолютный рекорд на 50 метров, проплыв эту дистанцию в 32,6 секунды. Чем же это удалось? Ничего побудило, тем больше он работал над собой. Он следил за учащимися в Институте физической культуры в Москве, да черноморцам обязывалось — побить мировой рекорд.

Бойченко часами пропадал в бассейне. Плытывши изучал молодой пловец каждое движение своего тела. Он пытается решить загадку «баттерфляя» — глубокое погружение тела после плавки.

В разгар плавательного сезона, в феврале 1936 года, Бойченкоставил европейский рекорд, проплыв 100 метров в 1 минуту 12,2 секунды. Всю дистанцию плытыв Бойченко «баттерфляем». Он чувствует, что тело его напряжено, что движение дается ему с трудом.

Однажды во время тренировки молодой пловец, наконец, нашел прием, позволяющий ему удерживать туловище от чрезмерного погружения в воду. Это было эластичное покашивание бедер. Теперь его тело после плавки оставалось на поверхности воды. Бойченко чувствовал, как раскрепощаются его мышцы. С каждым днем стиль Бойченко становился все более и более неуклюжим, рывками других «баттерфлялистов».

Вскоре после этого он выполнил свое обещание, данное черноморцам, проплыв 100 метров в 1 минуту 8 секунд. Это был новый мировой рекорд. Хиггинс остался позади. Но вскоре Бойченко улучшил и это время: проплыл 100 метров в 1 минуту 6,8 секунды.

В это время на Западе «баттерфляй» переживал своеобразный кризис. На мировой олимпиаде 1936 года первые три победителя были сторонниками классического «брасса». Хиггинс занял только четвертое место. Казалось, что илонский «брасс» окончательно проиграл. Но Бойченко, несмотря на это, выразил свое мнение, что «баттерфляй» требует огромной силы и поэтому применять только на коротких отрезках дистанций. Как раз в это время имя Бойченко пронеслось по газетам Европы и Америки.

Как удалось советскому пловцу добиться таких феноменальных результатов? Европейские спортивные дельцы пустили каскетический слух, что Бойченко искажал стили, что его рекорды нельзя принять во внимание. Лучший европейский «баттерфляйт», гордость Франции Картоне, тоже склонился к этому выводу. Картоне на одном из трех пробных заплылок убрал 100 метров в 1 минуту 9,8 секунды, что означало, что достичь возможного предела, а тут вдруг какой-то Бойченко бьет его на целых 3 секунды!

Когда в Париже стало известно, что советский пловец приезжал во Францию, споры вокруг «баттерфляя» разгорелись с новой силой. Газеты «Л'Утю» выступили с предложением создать комиссию экспертов из лучших знатоков плавания и поручить им проверить стиль плавания Бойченко.

Зеленые волны пласкались в стены бассейна Турель. (У этого бассейна была дурная слава: ни один пловец здесь не мог поставить новый рекорд.)

Горячий воздух — 20 тысяч человек на трибунах. Десятки электрических лучей просвечивают воду. Это по просьбе экспертов установлены прожекторы для того, чтобы удобнее наблюдать в воде движений пловцов. Среди экспертов сам Эрман — олимпийский тренер.

Плавание начало на старте. Высокий, широкоплечий пловец выпустил руки. Тело дугой мельнуло в воздухе, послышалась всплеск воды, и заплыл начались.

Эксперты торопливо зашагали вдоль бассейна. Они приседали, жадно глядясь в воду. Они забегали вперед и, боясь пропустить каждое движение советского пловца.

Бойченко катался по воде в застывшей лавкой мыши. Округло и стремительно разбегалась ноги. Мощный рывок почти выбрасывал его из воды. Как мало походил этот совершенный стиль на движения первых американских «баттерфлялистов»! Вот проплыло 50 метров; стремительный поворот, и опять всплеск воды. Путь, пройденный спускаясь с плавки, Ладонь Бойченко прокружила к стенке бассейна, скончади проплыла время, и рядом программа: «100 метров проплыди в 1 минуту 8,2 секунды».

Это не было лучшим временем для Бойченко, но это было новым мировым рекордом, поставленным на глазах у 20 тысяч зрителей.

Эксперты подросли пловца пройти еще раз дистанцию.

Хорошо! Бойченко готов помочь господам экспертом! И снова торопливо шагают вдоль бассейна пожилые люди, едва поспевая за пловцом, не спуская глаз с тела, ритмично взлетающего и скрывающегося в зеленой волне. Пройдены 100 метров. Но что это? Бойченко, несмотря на все усилия, он продолжает проплыть, и эксперты почти бегом поспешают за ним. Проплыты 150 метров! Пройдены 200 метров! Бассейн гремит аплодисментами...

Проплыты 300 метров, Бойченко остановился. Он вышел из воды спокойный и смешной. Когда спросили, оправдан ли олимпийский тренер Эрман подача к микрофону и заявление, что миение экспертов ошибочно, Бойченко плытыв абсолютно правильным стилем. Советскому пловцу удалось добиться феноменальных результатов. Он открыл новую страницу в искусстве плавания. Это он подлинный создатель нового стиля. Бойченко неутомимо доказывал, что «баттерфляйт» можно плытывать в течение 300 метров стилем «баттерфляй» без передышки. Этого феноменального успеха советский пловец достиг, добившись точной координации движений и абсолютного раскрытия мышц.

Восторженная толпа окружила советского пловца. Ему поклоняли руки, хлопали по плечу.

С этого дня стиль «баттерфляй» во Франции называется стилем «Бойченко».

С. Бортченко на дистанции.

ШАХМАТЫ

17-Й КОНКУРС РЕШЕНИЙ

Задача № 67.

Клавдия Тупашиной (г. Горький)

Задача № 68.

В. М. Филиппов (Ярославль)

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Задача № 69.

Н. В. Пирогов (Москва)
Белые: Крф8, Фе3, Лd8, f7, Сg1, Кб5, п. f5 (7).
Черные: Кре5, Фh4, Лаз, Ке4, h5, п. d3, e7 (7).
Белые, начиная, дают мат в два хода.

Все четыре композиции принадлежат назначению составителем. В задаче № 68 оригинально маневрируют белые фигуры. № 69 содержит новейшую идею «продолженной защиты» в прекрасном техническом оформлении. В № 70 простые сами по себе варианты обрауют содержательный комплекс.

Эти же задачи заканчиваются 17-й конкурс решенияй.

ЧИТАТЕЛИ „СМЕНЫ“ — МАСТЕР ВЕРЛИНСКИЙ

В партии по переписке между читателями нашего журнала и мастером СССР по шахматам Б. М. Верлинским до 12 марта сделаны следующие ходы (читатели играют белыми): 1. e2—e4, 2. Кг1—f3, 3. Кв8—e5.

С1—c4 Сf8—e5 4. с2—c3 Kg8—f6
5. d2—d4 e5: d4 6. c3: d4 Сс5—b4
7. Kg1—f3 Kg8—e5
8. e4—e5 Kg5—f6
9. Kg1—f3 Kg5—e5
10. e5—e6 Kg5—f6
11. Kg1—f3 Kg5—e5
12. e6—e7 Kg5—f6
13. Kg1—f3 Kg5—e5
14. e7—e8 Kg5—f6
15. Kg1—f3 Kg5—e5
16. e8—e9 Kg5—f6
17. Kg1—f3 Kg5—e5
18. e9—e10 Kg5—f6
19. Kg1—f3 Kg5—e5
20. e10—e11 Kg5—f6
21. Kg1—f3 Kg5—e5
22. e11—e12 Kg5—f6
23. Kg1—f3 Kg5—e5
24. e12—e13 Kg5—f6
25. Kg1—f3 Kg5—e5
26. e13—e14 Kg5—f6
27. Kg1—f3 Kg5—e5
28. e14—e15 Kg5—f6
29. Kg1—f3 Kg5—e5
30. e15—e16 Kg5—f6

бравия) в сентябре 1792 года коммуна Парижа фактически была провозглашена правительство Франции.

18 марта 1871 года парижский народ восстал против реакционного правительства Тьера, пытавшегося обезоружить вооруженных рабочих — национальную гвардию. Правительство, избранное парижским населением, не сумело подавить восстание, несмотря на помощь части армии Франции. Но в отличие от нее парижская коммуна была первым в мире правительством рабочих восставших против буржуазного строя. Парижская коммуна дала первый образец диктатуры пролетариата.

Восстание коммунаров было зверски подавлено, но их дух не побороть. «Парижские рабочие с его коммуны всегда будут действовать, как славный предвестник нового общества. Его мученики навсегда запечатлены в великом сердце рабочего класса» — так писал Карл Маркс.

Наследником Парижской коммуны, соединившим эту строку, о которой мечтали коммунисты — социалисты, — является великий Советский Союз.

СЛОВАРЬ СМОЕНЫ

КОММУНА

Коммуна — латинское слово, обозначающее «общину». В средние века коммунами назывались города, зависевшие от феодалов, но подчиненные им, а не королю. Население этих городов часто восставало против произвола señores, или князей «коммун»; был призван к борьбе против сложного управления феодальными властелинами. Во время французской революции парижское городское самоуправление называлось коммуной, а также сидевшими в нем горожанами. Коммуна — ядро городских городских коммун. Под руководством своей коммуны парижский народ сверг королевскую власть 10 августа 1792 года, и до созыва Национального конвента (учредительного со-

брания) в сентябре 1792 года коммуна Парижа фактически была провозглашена правительство Франции. Но в отличие от нее парижская коммуна была первым в мире правительством рабочих восставших против буржуазного строя. Парижская коммуна дала первый образец диктатуры пролетариата. После прихода Гитлера к власти в 1933 году Германия окончательно, в 1939 году, по окончании мировой войны, Германию было захвачено именем массовой армии. Ее вооруженные силы были сведены до 100 тысяч человек в пехоте и 15 тысяч человек в флоте. Новая германская армия, или рейхсвер (по-немецки «государственное войско»), состояла из новых солдат, не имеющих урождения, которых был определен в 12 лет. Всебогая воинская воинственность была упразднена.

После прихода Гитлера к власти в 1933 году Германия окончательно актом расторжения германского договора и стала открыто вооружаться. Рейхсвер был превращен в массовую армию, в которой обязаны прослужить в течение одного года все годные к воинской службе лица (кроме инвалидов), до 20 лет. Для чего создана в Германии массовая армия, показали германские интервьюеры в Испании.

Генералитет и высшее офицерство недозволены агрессив-

Старые русские мастера

ПЕРВЫЙ ТЕОРЕТИК

В текущем году исполняется 125 лет со дня рождения одного из сильнейших шахматистов России середины прошлого века, личного фундаментального труда по теории шахмат математика К. А. Яниши (1813—1872 года).

Как образец игры Яниши приводят окончания партий, выигранных им у А. Д. Петрова.

Положение поасе 20-го хода черных:

Белые: (К. А. Яниши): Крр1, Фе1, Л1, Се1, К3, Кс3, п. а3, б4, с5, д5, г2 (13).

Черные: (А. Д. Петров): Крр8, Фf7, Л8, g8, сd7, e7, Kg4, п. а7, b7, с7, e3, f4, h6 (13).

УДИВИТЕЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ

Английский шахматный комитет (составленный в этот раз Г. Лордом) обратил внимание, поражающую своей парадоксальностью. Для того чтобы выиграть, белые должны превратить подряд шесть пешек в ладей!

На другие ходы ладей последовал бы красный мат — 4 хода: 1. Фd8—d6 + Крр8—a8 2. Крр8—c7 + Крр8—b8 3. Ке7—a6 + Крр8—a8 4. Фd6—b8 +! Лd8—b8 5. Ка6—c7×. 31. Се1—g3 с6:b5

32. Сg3:f4+, и у черных нет спасения от больших материальных потерь.

Белые, начиная, выигрывают.

Черные угрожают обнять мат, отступив королем в g3. Белые могут выигрывать эту страшную угрозу только одним путем — взяв под обстрел ладью h8. Но это не так просто. Если, скажем, они сыграют 1. с7—e8 Ф, то все-таки посыпает 1. Крр3—g3+ 2. Фe8:h8 Лd8:h8×.

Легко заметить, что если бы на h5 сейчас стояла ладья, а не ферзь, пата не была бы. Это обстоятельство помогает определить первый ход:

1. b7—a8! Лh8—h5

К проигрышу ведет 1. . . Лh8: a8 хотя бы из-за 2. с7—

с8 2. La8—h8

Ход 2. . . Крр3—g4 + проигрывает из-за 3. Лh8:b5 + т. д.

4. Крр3—g2 + Лh8:b8

Теперь все белые фигуры, стоящие на седьмой горизонтали, поочередно превращаются в альямы. Пока это делается для спасения от пата, но вместе с тем подготовляется и избавительный маневр.

5. с7—с8Л Лh8—h4
 6. Лc8—h8 Лh4 : h5
 7. d7—d5Л Лh5 : h5
 8. Ld5—h3 Лh5 : h5
 9. e7—e8Л Лh8—h4
 10. Лe8—h3 Лh4 : h5
 11. f7—f5Л Лh5 : h5
 12. Лf8—h8 Лh5 : h5
- Что же делать белым дальше? Пешки все отданы, а черные по-прежнему угрожают дамкой мат, Но теперь у белых есть одна спасительная возможность. Учтывая, что седьмая горизонталь уже очистилась от преград, белые играют:
13. Лa5—a7! Лh5 : h5
 14. Лат—h7! Лh5 : h7
 15. g6 : f7 и выигрывают.

РЕЗУЛЬТАТ 16-го КОНКУРСА

Только деятели читателей удалось преодолеть все трудности двух задач-близнецов С. Лойда, образовавших настоящий конкурс («Смена» № 12 за 1937 г.). Это Б. Беспалов (Полтава), М. Д. Терев (Орджоникидзе), В. Скворцов (Горький), Г. Назаров (село Агро-Пустынь, Рязанской области), М. Розанов (Москва), П. Годуров (Калининская область), И. Шумилов (Анзерск).

Редакция приветствует перечисленных товарищей шахматной литературы.

РЕШЕНИЯ («СМЕНА» № 2)

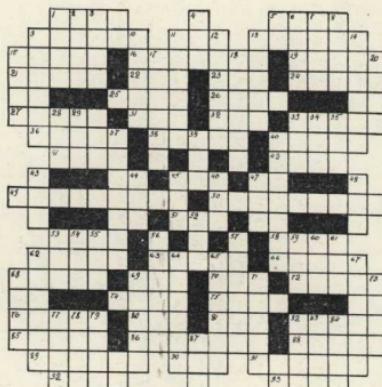
Задача № 65 И. Ахремина, 1. С2—d2! Пешка ладьей под ударом не защищается от угрозы. 2. Сб5—б6х. Но при этом у белых возникает возможность отступить из-под удара. Учтывая эту вторую угрозу, коль должен отступить, очень тепло, на с4. Тогда у белых появляется дополнительная защита, использующаяся сейчас большой популярностью среди мастеров. Итак, задача имеет интересный и нешаблонный механизм, с прекрасным вступительным.

Задача № 66 Н. Петрова. 1. С2—b6! С4—a3, 2. Лb7—g7! и т. д. Если 1... Крa5—a3, то 2. Лb7—b1! В первом случае, в промежуточке между задачами, выдающихся тем, что они обе являются «белыми», вспыхивает драматическая дельфиновая фигура, чтобы затем, вспыхнув, исчезнуть в пепле.

Этот № 12 И. Зенера. 1. С4—g2! (турнирные дебюты). 2. Фb7:h3+! и т. д. 3. С4—g2! и 4. Сb7—g7 изв. 2. Сe2—f3+ и 3. С18—g4+ с выигрышем ферзя. 2. Сe2—b1! и черные выигрывают — любовь ходят в гробах.

КРОССВОРД

Составила
Н. Зон (Москва)

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Ветка, 2. Июль, 3. Географический термин, 4. Круг в танце, 6. Годы на Чироморском побережье Кавказа, 7. Столица кочевников-каганов, 9. Вид спектра, 10. Древний римский поэт, 10. Итина, 11. Породы обезьян, 12. Термин, обозначающий употребление для курения, 14. Горячность, страсть, 15. Тропическое дерево, 16. Белый порошок, 17. Диаметр земного орбитального движения, 18. Символический предмет или пейзаж, 20. Представитель африканской народности, 21. Охондит, 22. Табачная линия, употребляемая для курения, 24. Столица государства, 30. Тюмэн, 37. Научный работник, 39. Марка лучших советских автомобилей, 40. Известный средневековый врач, 44. Волчок, 45. Бог ветров и др.

46. Место для спортивных игр в кельях, 47. Петерсон, один из троих Плекстера, 48. Сборник условных обозначений, 52. Древнегреческий миф, 53. Страна, 54. Женское имя, 55. Высота звука, 56. Тропическое дерево, 57. Белый плодородный грунт, 58. Столица Гватемалы, 59. Инейственный инструмент, 60. Моторная лодка, 65. Человек, воспринимающий языком, как танцор, 66. Греческая поэтическая форма, 69. Музикальный инструмент, 71. Страна, где произошло первое землетрясение, 73. Город Франции, 77. Притон Волги, 78. Порта, 79. Среднее передвижение, 80. Отличительный знак, 83. Героиня древней легенды, 84. Часть света, 87. Латышская денежная единица.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Дреебозавий плюс, 5. Музикальный термин, обозначающий пропалладий, сочинение, 9. Предание о происхождении, 11. Имя героя фруктового сока, 13. Человек, зани-

- мавшийся изучением животных, 15. Воздух, 16. Страны, в которых восточный быт, 18. Страны, в которых восточный быт, 19. Основа, 21. Основа, 23. Лазо, 25. Лур, 26. Балалайка, 28. Калорифер, 29. Шарж, 33. Сапог, 34. Консерв, 36. Витамин, 38. Альбом, 40. Мод., 41. Кон., 42. Тан., 43. Бар., 48. Сбор., 50. Очики, 52. Дрок, 54. Очики, 55. Бурзиль, 56. Тылья, 58. Чай, 62. Ария, 64. Рим, 66. Речь, 68. Эскалатор, 72. Юра, 73. Энергия, 75. Игра, 77. Опия, 78. Брат, 80. Сапог, 82. Мамал., 83. Аргон.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Эзек., 2. Паров., 3. Ля. 4. Теннис, 5. Эму, 6. Плах., 7. Ямка, 8. Кинес., 9. Славян., 10. Осень, 12. Альп., 16. Антрацит, 19. Каша, 21. Осень, 22. Гранит, 23. Лазо, 25. Лур, 26. Балалайка, 28. Калорифер, 29. Шарж, 33. Сапог, 34. Консерв, 36. Витамин, 38. Альбом, 40. Мод., 41. Кон., 42. Тан., 43. Бар., 48. Сбор., 50. Очики, 52. Дрок, 54. Очики, 55. Бурзиль, 56. Тылья, 58. Чай, 62. Ария, 64. Рим, 66. Речь, 68. Эскалатор, 72. Юра, 73. Энергия, 75. Игра, 77. Опия, 78. Брат, 79. Ямб, 81. Еж.

СОДЕРЖАНИЕ

Не будет врагам жить на советской земле! (передв.)
 Письмо т. ИВАНОВА и ответ т. СТАЛИНА. Эль-Регистан — В джунглях Пиндака (расказ). Жори. Давид — Солис (расказ). Фред Эркварт — В пустыне (расказ). Г. Леноубль — Борец за народное счастье (статья). А. РОСКИН — Горький и его ученики (статья). Л. БРОНТМАН — Бессмертные (очерк). Л. КОЛДЕН — Тельман (очерк). М. ДАЛЬМАС — Дружина из Королевы Севера (очерк). Я. ХЕЛЕМСКИЙ — Встреча (статья). Письмо другу — С. НАРИНЯНЯ — Пособники врага (фельетон). В. ВИКТОРОВ — Стиль «Бойцовского» (очерк). Заметки об интересных книгах. — Словарь «Смены» — Шахматы. — Кроссворд.

Рисунки художников: А. Шульца, В. Коновалова, Ю. Шишевского, Д. Пивоварова, Б. Урина.

Фото: М. Троицкого, П. Смирнова, И. Шагина, В. Горюкова, И. Гущина.

На обложке: группа удачниц архитектурной мастерской строительства Дворца советов. Слева направо: помощник архитектора Маргарита Б. Митрофанова, архитектор Бархин, А. Г. архитектор Коликов, В. Н. Фото И. Гущина. На обороте обложки: пionерка Эмма Голговская, подарившая пограничникам Дальнего Востока немецкую обмакну. Фото В. Горюкова.

Ответ. редактор В. А. Герасимова

Зам. ответ. редактора М. Г. Гольдберг

Оформление В. И. Урин

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. тел. Д. 34-24

Сдано в набор 14/II—1938 г. Полисовано к печати 16/III—1938 г. Изд. № 280

Уполномоченный Главлитва № 6 — 10950

Формат 72×110 см. 4 печ. л. 98 000 экз. в пач. а-

Техред Л. Шуман

Зак. № 392 Тираж 45 000

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 1 рубль

